ССХЛ № 10.

Профессоръ Н. В. Покровскій.

ІЕРУСАЛИМЫ или СІОНЫ СОФІЙСКОЙ РИЗНИЦЫ ВЪ НОВГОРОДѢ.

Профессоръ Н. В. Покровскій.

ІЕРУСАЛИМЫ или СІОНЫ СОФІЙСКОЙ РИЗНИЦЫ ВЪ НОВГОРОДѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

N
8010
Пок
Мер

ПРОВ. 1957

Отдѣльный оттискъ изъ «Вѣстника Археологіи», вып. XX.

Библиотека ООН
Академия Наук СССР
311
37

Спб. Сѵнодальная Типографія.

Библиотека ООН
Архивный фонд

Съ незапамятныхъ временъ въ старой ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора находятся два памятника отдаленной Новгородской старины. Это такъ называемые Іерусалимы или Сіоны. Они привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе любителей и знатоковъ церковной старины; но до сихъ поръ не получили научнаго освѣщенія. Въ старыхъ соборныхъ описяхъ они отмѣчаются лишь кратко, и, какъ само собою понятно, здѣсь, кромѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ отличій ихъ, нѣтъ никакихъ разъясненій по вопросамъ художественно-археологическимъ; нѣтъ здѣсь указаній ни на происхожденіе Іерусалимовъ, ни на ихъ назначеніе, нѣтъ даже точнаго описанія ихъ внѣшнихъ формъ. Самый смыслъ ихъ наименованія «Іерусалимами и Сіонами»— терминами, относящимися къ историческимъ памятникамъ Палестины и примѣненными въ данномъ случаѣ по соображеніямъ особаго порядка, составляетъ доселѣ загадку. Представители научнаго знанія въ продолженіи цѣлаго столѣтія предлагали и предлагаютъ попытки такъ или иначе освѣтить эти памятники, но попытки не увѣнчались успѣхомъ. Строго говоря, спеціальнаго обслѣдованія Іерусалимовъ до сихъ поръ не было ни одного. О нихъ говорили попутно, при случаѣ, иногда смѣшивали ихъ съ реликваріями и дарохранительницами: ахенскій Іерусалимъ до сихъ поръ считается реликваріемъ; въ древностяхъ Россійскаго Государства Новгородскіе Іерусалимы помѣщены въ главѣ о дарохранительницахъ. До послѣдняго времени всѣ обычно старались скорѣе просто отгадать смыслъ и назначеніе Іерусалимовъ, а не разрѣшить вопросъ путемъ изслѣдованія самыхъ памятниковъ. Въ этомъ отношеніи уди-

вительный успѣхъ имѣла случайно брошенная архіеп. Амвросіемъ Орнатскимъ странная гипотеза, объясняющая происхожденіе Іерусалимовъ тѣмъ, что они должны были замѣнять архіерейскую митру въ церемоніи великаго выхода на литургіи. Узость ученаго кругозора и привязанность къ старымъ символическимъ тенденціямъ и шаблоннымъ формуламъ, которыя часто, вмѣсто прямого отвѣта на вопросъ, только закрываютъ истинный смыслъ памятниковъ, задержали живое движеніе научной мысли болѣе чѣмъ на 50 лѣтъ. Для успѣшнаго разрѣшенія вопроса объ Іерусалимахъ необходимо отказаться отъ предвзятыхъ взглядовъ и сужденій и привлечь къ дѣлу для сравненія и ученаго освѣщенія предмета всю наличность относящихся сюда художественно-археологическихъ и историческихъ данныхъ. Планъ нашего изслѣдованія таковъ: первоначально мы должны представить описаніе Новгородскихъ Іерусалимовъ и опредѣлить время и мѣсто происхожденія ихъ; потомъ разсмотрѣть аналогичные памятники, находящіеся въ другихъ мѣстахъ: путемъ сравненія Іерусалимовъ или Сіоновъ со стороны ихъ художественныхъ формъ съ подобными же памятниками, хотя не относящимися къ категоріи Сіоновъ, но сходныхъ съ ними по своимъ формамъ и историческому смыслу, рѣшить вопросъ о генезисѣ и историческомъ значеніи ихъ. Строго придерживаясь почвы художественно-археологическихъ данныхъ, мы используемъ также и памятники историческаго характера въ той мѣрѣ, въ какой они необходимы для уясненія существа дѣла. Результатъ нашего изслѣдованія не сходится ни съ однимъ изъ мнѣній, высказанныхъ по этому предмету нашими учеными предшественниками.

I.

Въ Софійской ризницѣ два Іерусалима или Сіона—большой и малый (Табл. I) [1]); оба они по своему архитектурному строенію представляютъ модели круглыхъ (въ планѣ) церквей; увѣнчаны крестами; сдѣланы изъ серебра и поставлены на поддоны въ видѣ серебряныхъ блюдъ. На блюдахъ (на наружныхъ поверхностяхъ) обозначена цѣнность Сіоновъ: на первомъ iii гривенокъ, на второмъ ѕi гривенокъ. Первый изъ Іерусалимовъ или Сіоновъ не только по вѣсу, но и по размѣрамъ, больше второго; въ деталяхъ ихъ строенія замѣтны также нѣкоторыя различія. Степень сохранности перваго также выше, чѣмъ—второго.

1) Первый Іерусалимъ или Сіонъ. Высота вмѣстѣ съ крестомъ 0,74 м., объемъ 1 м. Основъ его составляютъ 6 серебряныхъ пустотѣлыхъ колонокъ съ базами и капителями (точнѣе—абаками), украшенными волютами съ темнозеленой эмалью. Между колонками 6 двустворчатыхъ серебряныхъ дверей, на которыхъ помѣщены 12 апостоловъ: чеканныя фигуры апостоловъ сдѣланы особо и припаяны къ гладкимъ дверямъ. Апостолы стоятъ на подножіяхъ; возлѣ головъ ихъ вертикальныя надписи ихъ именъ: о мнос Петрос, о мнос Павлъ, о мнос Матѳѣос и далѣе въ томъ же родѣ—Маркъ, Іаковъ, Варѳоломей, Ѳома, Филиппъ, Симонъ, Андрей, Лука и Іоаннъ Богословъ. Надъ всѣми дверями Сіона въ аркахъ—красивый прорѣзной орнаментъ въ видѣ ременнаго плетенія. Въ промежуткахъ между арками по три сердо-

[1]) Изданы въ Древн. Росс. Госуд. отд. 1 №№ 49 и 53. Прилагаемыя здѣсь фототипіи сдѣланы по фотографическимъ снимкамъ, снятымъ съ натуры.

лика въ оправахъ, въ формѣ сердечекъ. Вверху по окружности купола расположенъ большой денисъ медальонныя изображенія І. Христа, Богоматери, Іоанна Предтечи, арх. Михаила, арх. Гавріила и Василія Великаго (о мнос ѣми). На куполѣ четвероконечный крестъ съ кружками и шариками на концахъ, утвержденный на подставкѣ съ двумя маковицами. Медальонныя изображенія на куполѣ чеканены не отдѣльно, какъ апостолы на дверяхъ, а на томъ же самомъ металлѣ, изъ котораго устроенъ куполъ. На поддонѣ Іерусалима,—на внутренней поверхности блюда, нацированъ восьмиконечный процвѣтшій крестъ съ надписью І. Хс. ш кл.

2) Второй Іерусалимъ меньше перваго: высота его съ крестомъ 0,63 м.: объемъ 0,93 м. Всѣ серебряныя двери его выломаны, и остались лишь слѣды ихъ прикрѣпленій на колонкахъ: колонки гладкія безъ всякихъ украшеній: камни на куполѣ повреждены, медальонныя изображенія вынуты и замѣнены цвѣтными стеклами; прорѣзной орнаментъ подъ арками въ видѣ волютовъ и бутоновъ. На внутренней поверхности поддона начертанъ четвероконечный византійскій крестъ съ расширенными концами, къ которымъ примыкаютъ круги и шарики; въ центрѣ креста медальонный образъ І. Христа.

Такимъ образомъ, хотя общее архитектурное строеніе обоихъ Іерусалимовъ одинаково, но въ деталяхъ они различаются между собою: орнаментика ихъ въ аркахъ между колонками не одинакова, не одинаковы и корпусы колонокъ и базы крестовъ. Второй изъ этихъ Іерусалимовъ болѣе архаиченъ, чѣмъ первый; однакожъ разница ихъ хронологическая едва ли превышаетъ одно столѣтіе. Къ какому же времени относится изготовленіе ихъ?

Іерусалимы или Сіоны въ Великомъ Новгородѣ должны были появиться вмѣстѣ съ построеніемъ перваго соборнаго храма. И хотя до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о первоначальномъ устроеніи ихъ, однако отъ XI вѣка мы имѣемъ свидѣтельство Лѣтописи, удостовѣряющее, что полоцкій князь Всеславъ Брячиславичъ ходилъ на Новгородъ и взялъ (въ Софійскомъ соборѣ) Ерусалимъ (Сіонъ) церковный и сосуды служебные [1]). Какъ сосуды служебные, такъ и «Ерусалимъ» или Сіонъ были серебряные и какъ предметы матеріально-цѣнные захвачены были Всеславомъ. Это былъ первый Іерусалимъ Новгородскаго Софійскаго Собора, устроенный, вѣроятно, вмѣстѣ съ сооруженіемъ самого собора въ половинѣ XI в. византійскими мастерами. Никакихъ свѣдѣній о формѣ этого Іерусалима мы не имѣемъ. На смѣну его явился, конечно, второй, и если эта замѣна произошла въ XI—XII в., то этотъ второй Іерусалимъ дошелъ до насъ: оба Іерусалима ризницы съ полною вѣроятностію могутъ быть отнесены къ XII—XIII в.; причемъ второй, какъ уже замѣчено, нѣсколько старше перваго. Предполагая, что, при сооруженіи Іерусалимовъ въ Новгородѣ, свято оберегались древнія традиціи, полученныя отъ грековъ, мы имѣемъ основаніе думать, что настоящіе Софійскіе Іерусалимы или Сіоны въ своихъ главнѣйшихъ архитектурныхъ формахъ повторяютъ формы древнѣйшаго Новгородскаго Іерусалима.

При этомъ мы не можемъ допустить заманчиваго предположенія, что уцѣлѣвшій Іерусалимъ № 2-й, какъ древнѣйшій, былъ первоначально единственнымъ въ

---

[1]) Лѣтоп. Инат. подъ 1117 г., Изд. Археогр. Коммиссіи, стр. 412. То же въ Никоновской лѣт.

Софійскомъ Соборѣ, а потомъ, когда онъ устарѣлъ, на смѣну его явился другой—лучшій № 1: тотъ и другой долгое время были *одновременно* въ употребленіи и, какъ показано будетъ ниже, въ праздники большіе выносились на литургіи оба, въ праздники меньшіе—одинъ Іерусалимъ.

Въ древностяхъ Россійскаго Государства Новгородскіе Іерусалимы отнесены къ XV—XVI в., а именно—меньшій къ XV в., а большій къ XVI в. [1]), и это опредѣленіе ничѣмъ не мотивировано. Архим. Макарій въ Археологическомъ описаніи Новгорода повторяетъ почти тоже самое, относя безъ всякихъ основаній оба Сіона «по крайней мѣрѣ къ XV вѣку» [2]). Гр. А. С. Уваровъ считаетъ ихъ одновременными съ Московскими Сіонами и такимъ образомъ относитъ ихъ происхожденіе къ концу XV в. [3]). Прот. А. И. Конкординъ, согласно съ мнѣніемъ гр. М. В. Толстого, относитъ Сіоны также къ XV вѣку [4]). Авторы „Русскихъ древностей" гр. П. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ не упоминаютъ о нихъ ни единымъ словомъ. Такъ какъ никакихъ историческихъ извѣстій о происхожденіи Софійскихъ Іерусалимовъ нѣтъ, то намъ остается отыскивать хронологическія примѣты въ самыхъ памятникахъ. Общій характеръ ихъ архитектуры—греческій: центрическій планъ, форма купола, крестъ на куполѣ, медальонныя изображенія большого деисиса, характерный орнаментъ въ аркахъ—все это указываетъ на искусство греческое; даже обра-

---

[1]) Древн. Росс. Госуд. отд. I № 60; стр. 89; ср. отд. I № 49—52, стр. 81—82.

[2]) Арх. Макарій, Археол. опис. Новгорода. М. 1860; ч. II, стр. 206.

[3]) Гр. А. С. Уваровъ, Мелкія соч. изд. гр. П. С. Уваровой. М. 1910 г. т. I, стр. 298.

[4]) Прот. А. И. Конкординъ, Опис. Новгор. Соф. собора. Новгородъ 1906; стр. 118.

ботка колоннъ и характеръ ихъ орнаментики стоятъ въ генетической связи съ тѣмъ же искусствомъ. Въ изображеніяхъ апостоловъ на наружныхъ поверхностяхъ стѣнокъ большого Іерусалима или Сіона выступаютъ черты смѣшаннаго характера: въ цѣломъ старыя иконографическія формы здѣсь удерживаются; костюмы и атрибуты святыхъ также удовлетворительны, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія древнихъ традицій. Но въ рукахъ ап. Петра находятся уже три ключа,— деталь, выработанная преимущественно на западѣ; сверхъ того въ рукахъ того же апостола посохъ— эмблема главенства апостола: она встрѣчается преимущественно въ памятникахъ на западѣ, хотя бы эти памятники и были исполнены греческими мастерами [1]); но иногда и на востокѣ [2]). Оставляемъ въ сторонѣ ту сомнительную иконографическую деталь,—что ап. Павелъ держитъ книгу обнаженною рукою, такъ какъ она допускалась не только на западѣ, но и на востокѣ, какъ напр. на иконѣ свв. ап. Петра и Павла греческой XI в. въ томъ же Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ и на реликваріи Sancta sanctorum [3]); но обратимъ вниманіе на иконографическіе типы, иконописныя подобія: типъ ап. Петра выдержанъ довольно строго, если не въ выраженіи лица, то по крайней мѣрѣ въ фактурѣ волосъ и бороды; у ап. Павла выдержанъ только овалъ лица, все остальное измѣнено; ап. Ѳома представленъ не юнымъ, а средовѣкомъ съ бородою... Все это показываетъ, что художникъ, изготовлявшій *отдѣльно* чекан-

---

[1]) Реликварій византійскаго происхожденія изъ Sancta Sanctorum въ Римѣ. *Lauer*, Sancta Sanct. pl. XIV, 1.

[2]) Въ мозаикахъ Солунской церкви св. Софіи. Diehl, Manuel d'art byzant. p. 468, fig. 228.

[3]) Lauer, pl. XIV, 5.

ныя фигуры апостоловъ на особыхъ пластинкахъ, не могъ или не считалъ нужнымъ строго соблюдать основныя требованія «истинности» въ иконографическихъ подобіяхъ. Предположить, что эта часть сдѣлана иностраннымъ мастеромъ, подобно тому, какъ было поступлено при изготовленіи Московскихъ Іерусалимовъ или Сіоновъ, трудно [1]): въ Московскихъ Сіонахъ «*волынчныя*» фигуры всѣ безусловно романской работы; это очевидный фактъ, не требующій доказательствъ: въ Новгородскихъ же—едва замѣтные слѣды западничества: а потому мы склонны думать, что они исполнены русскимъ мастеромъ, работавшимъ по греческому образцу, но уже подъ вліяніемъ иностраннымъ: это вполнѣ естественно для эпохи сношеній Новгорода съ Ганзою. Къ этому именно времени и слѣдуетъ отнести Новгородскіе Іерусалимы. Къ тому же заключенію приводятъ и греко-русскія надписи именъ апостоловъ. Шрифтъ ихъ XII—XIII вѣка. Предположеніе графа А. С. Уварова о западномъ происхожденіи Новгородскихъ Сіоновъ основано на ошибочно прочитанномъ словѣ ПЕТРОС, гдѣ онъ усмотрѣлъ латинскую букву R: въ дѣйствительности здѣсь не R, а обычная лигатура грекославянскихъ буквъ Т и Р.

3) Рѣдкій памятникъ греческаго серебрянаго Іерусалима или Сіона находится въ настоящее время въ Ахенскомъ соборѣ (рис. 1). Онъ извѣстенъ здѣсь, а также и въ наукѣ, подъ именемъ Ахенскаго реликварія (capella reliquiarum). Онъ имѣетъ форму небольшого (0,38 м.) греческаго однокупольнаго храма [2]), укладъ

---

[1]) Гр. А. С. Уваровъ, Мелкія соч. изд. гр. П. С. Уваровой, т. I, стр. 293.

[2]) Изданъ: Ancient and modern gold and silver Smith's work in the Sout Kensington Museum John Hungerford Pollen, London., 1878. Описаніе p. 4—7; cf. Labarte, Hist. des art. industr., pl. XLIII. Schlumberger, L'epopée byzant. I, p. 461.

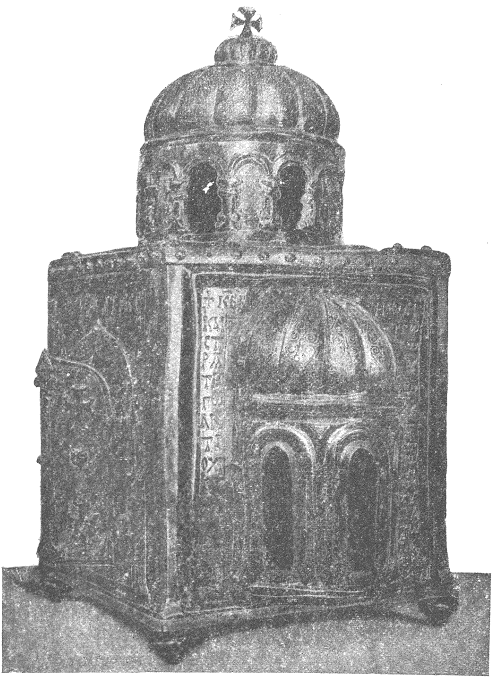


Рис. 1. Ахенскій реликварій.

его четвероугольный. Надъ кровлею возвышается трибунъ (= ротонда), украшенный колонками, соединенными между собою арочками. На одной сторонѣ — алтарная апсида, на трехъ остальныхъ — створчатыя двери, украшенныя четвероконечными, расширенными

Bock, Das Heiligthum zu Aachen. Köln, 1874. S. 12. Fig. 15. Ch. Diehl, Manuel d'art byz. p. 640. Paris, 1910.

на концахъ, крестами. Внутри сохранился старый лоскутокъ пергамента, на которомъ старшимъ шрифтомъ написано: caput ba Anastasi m . . . y. Надпись эта показываетъ, что здѣсь, въ этомъ ковчегѣ, хранились когда-то мученическіе останки (голова) мученика Анастасія, быть можетъ, того самаго, который пострадалъ за Христа въ Персіи при Хозроѣ (VII в.). Отсюда и усвоено ковчегу названіе реликварія. На всѣхъ сторонахъ ковчега находятся греческія надписи, имѣющія чрезвычайную важность.

а) На апсидальной сторонѣ: ΚΥΡΙΕ ΒΟΗΘΕΙ ΤΩ ΣΩ ΔΟΥΛΩ ΕΥΣΤΑΘΕΙΩ ΑΝΘΥΠΑΤΩ ΠΑΤΡΙΚΙΩ ΚΑΙ ΣΤΡΑΤΗΓΩ ΑΝΤΙΟΧΙΑΣ ΚΑΙ ΛΙΚΑ ΔΟΥ.

б) На сторонѣ, противоположной апсидѣ: ΑΝΑΣΤΗΘΙ ΚΕ ΕΙΣ ΤΗΝ ΑΝΑΠΑΥΣΙΝ ΣΟΥ, ΣΥ ΚΑΙ Η ΚΙΒΩΤΟΣ ΤΟΥ ΑΓΙΑΣΜΑΤΟΣ ΣΟΥ (Псал. CXXXI, 8).

в) На стѣнкѣ съ правой стороны: ΔΕΔΟΞΑΜΕΝΑ ΕΛΑΛΗΘΗ ΠΕΡΙ ΣΟΥ Η ΠΟΛΙΣ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΗΜΩΝ (Псал. LXXXVI, 3).

г) На стѣнкѣ съ лѣвой стороны: ΕΞΕΛΕΞΑΤΟ ΚΥΡΙΟΣ ΤΗΝ ΣΙΩΝ, ΗΡΕΤΙΣΑΤΟ ΑΥΤΗΝ ΕΙΣ ΚΑΤΟΙΚΕΙΑΝ ΕΑΥΤΩ (Псал. CXXXI, 13).

Ст. Кэнтцелеръ въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи объ Ахенскомъ реликваріи [1]) объяснилъ, что упоминаемый въ первой надписи Евстаѳій, проконсулъ, патрикій и табуллярій — восначальникъ или министръ былъ тотъ самый Евстаѳій, который былъ посланъ императоромъ Ираклiемъ въ Персію для заключенія мира съ Сироемъ, преемникомъ Хозроя. Посольство это прибыло къ персидскому царю чрезъ два мѣсяца

[1]) Kaentzeler, Ein griech. Reliquienbehälter im Aachener Münster. Zeitschr. für Christl. Archäologie, herausgegeb. v. Quast u. Otte. Leipzig, 1859. S. 130—133.

послѣ мученической кончины Анастасія; глава мученика была отсѣчена и послана Хозрою. Заключивъ миръ съ только что вступившимъ на престолъ Сироемъ (628 г.), Евстаѳій, какъ полагаетъ Кэнтцелеръ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы взять голову мученика и передать ее христіанамъ. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, мощи отправлены были въ Константинополь, потомъ оказались въ Римѣ и наконецъ «глава» попала въ Ахенъ. Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ никакого упоминанія о реликваріи. Авторъ не считаетъ нужнымъ объяснить—когда и гдѣ сдѣланъ былъ этотъ реликварій? Въ Персіи онъ не могъ быть сдѣланъ, такъ какъ, если предположить, что самъ Евстаѳій увезъ съ собою изъ Персіи мощи, то это было спустя лишь всего нѣсколько дней послѣ полученія мощей. Да и работа реликварія совсѣмъ не персидская. Съ тѣхъ поръ исторія мощей становится темною, и имя Евстаѳія въ связи съ ними не упоминается; не упоминается также и реликварій; да этого и не могло случиться, такъ какъ разсматриваемый реликварій, какъ видно по его архитектурному стилю, явился гораздо позднѣе VII вѣка. Несмотря на это, Кэнтцелеръ, увлеченный своею остроумною догадкою и принимая за несомнѣнный фактъ, что Ахенскій реликварій по своему первоначальному назначенію былъ именно реликваріемъ главы мученика Анастасія, пытается съ этой предвзятой точки зрѣнія объяснить и всѣ другія надписи на реликваріи. Конечно, попытка эта оказалась неудачною и даже прямо странною, такъ какъ надписи эти имѣютъ не историческій смыслъ, а пророчественный. Онъ съ чрезмѣрною смѣлостію предлагаетъ исправить не точное, по его мнѣнію, выраженіе въ 4-й надписи и читать: Ἀναστάσιος, вмѣсто κύριος, такъ какъ въ

этомъ ковчегѣ обитаетъ, будто бы, не Господь, а мученикъ Анастасій (Псал. CXXXI, 13: избралъ *Господь* Сіонъ, возжелалъ его въ жилище себѣ). Затѣмъ, полагая, что въ псалтирныхъ текстахъ возможно искать указаній на имя мученика Анастасія, онъ останавливается на выраженіи 2-й надписи: Ἀναστιθη и видитъ здѣсь намекъ на это имя (Псал. CXXXI, 8: Стань, Господи, на мѣсто покоя Твоего). Нужно-ли доказывать, что все это—грубое заблужденіе, объясняемое полнымъ незнакомствомъ съ элементарными требованіями методологіи. Въ дѣйствительности совершенно ясно, что всѣ приведенные псалтирные тексты не имѣютъ никакого отношенія ни къ мученику Анастасію, ни къ мученичеству вообще и относятся прямо къ Іерусалиму или Сіону, т. е. къ кивоту, на которомъ они находятся и который, очевидно, долженъ быть признанъ, по первоначальному назначенію, не реликваріемъ, но Іерусалимомъ или Сіономъ, однороднымъ по своему происхожденію съ Іерусалимами византійскими и русскими: сперва онъ былъ Сіономъ, а потомъ, во времена сравнительно позднѣйшія, превращенъ въ реликварій, и въ немъ положены были мощи мученика Анастасія.— Первая изъ приведенныхъ надписей указываетъ на имя Евстаѳія: она даетъ понять, что Евстаѳій принималъ участіе въ строеніи Сіона; но кто былъ этотъ Евстаѳій? тотъ ли самый, который былъ при императорѣ Иракліи, или другой? Вѣрнѣе послѣднее. Уже Квастъ, въ своемъ редакціонномъ примѣчаніи къ статьѣ Кэнтцелера, замѣтилъ, что могли быть и другіе табуллярій съ тѣмъ же именемъ въ позднѣйшее время [1]). Одинъ изъ такихъ табуллярієвъ и устроилъ Ахенскій Сіонъ.

[1]) Ibid. S. 133, Anmerk.

На присутствіе мощей муч. Анастасія въ этомъ Сіонѣ указываетъ особая запись, но она сдѣлана на пергаментѣ и относится къ позднему времени, и во всякомъ случаѣ трудно сказать — находятся ли здѣсь мощи мученика Персидскаго [1]) или другого святого. Предположеніе Кэнтцелера, что Евстаѳій привезъ съ собою изъ Персіи мощи Анастасія не доказано. Дальнѣйшая исторія мощей также темна: перенесены ли они были изъ Персіи сперва въ Кесарію, Константинополь или въ Римъ, — все это вопросы темные и едва ли разрѣшимые при наличности тѣхъ источниковъ, которыми располагаетъ современная агіологія. Наконецъ и самый Сіонъ потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія въ устройствѣ дверей съ романскимъ мыскомъ. Несомнѣнно одно, что по первоначальному назначенію — это не реликварій, а именно богатый Іерусалимъ или Сіонъ,— серебряный, украшенный чернью (niello) съ греческими надписями, прямо относящимися къ Іерусалиму или Сіону,— и только къ нему одному, а отнюдь не къ реликварію.

Въ виду этого мы склонны думать, что Ахенскій Сіонъ вывезенъ былъ съ Востока во время крестовыхъ походовъ, какъ военная добыча. Онъ не древнѣе X—XI в. Въ Персіи этотъ Сіонъ никогда не былъ. Сіонъ—эмблема церкви Іерусалимской, меморіальный знакъ, указывающій на неразрывную связь церкви, которая владѣетъ имъ [2]), съ «матерью всѣхъ церквей—Сіономъ святымъ»; но Христіанская церковь въ Персіи уже въ V вѣкѣ уклонилась въ несторіанство, прервала сношенія съ митрополіею и едва держалась среди плотной массы язычества [3]). Въ самомъ характерѣ Ахенскаго Сіона,

[1]) 628 г. 22 янв. Арх. Сергій. Агіологія II, 27.

[2]) См. ниже.

[3]) Ср. В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи др. ц. Спб. 1910. II, 261—263.

какъ памятника искусства, нѣтъ ни одного признака, указывающаго на Персію. Изготовленъ онъ былъ вѣроятно въ Іерусалимѣ или Антіохіи и предназначенъ для Антіохійскаго собора.

Когда были уже написаны всѣ приведенныя строки объ Ахенскомъ «реликваріи», мы получили возможность познакомиться съ замѣткой Шлюмберже о надписи на этомъ реликваріи [1]). Шлюмберже исправляетъ чтеніе Кэнтцелера и читаетъ не Λικα δουλω, а Λικανδου. Ликанда—небольшая азіатская ѳема, явившаяся въ концѣ царствованія Льва VI или при малолѣтнемъ сынѣ его Константинѣ VII около 915 г. Антіохія возвращена была отъ арабовъ при Никифорѣ Фокѣ въ ноябрѣ 969 г. Слѣдов. реликварій не можетъ быть древнѣе этой послѣдней даты. Затѣмъ въ 1085 г. Антіохія вновь подпала подъ власть арабовъ, а ѳема Ликандосъ еще за нѣсколько лѣтъ до этого пала, вслѣдствіе завоеванія Малой Азіи сельджуками. Итакъ, изготовленіе реликварія нужно относить ко времени 969—1080 г. Изъ надписи видно, что реликварій былъ подаренъ какой либо церкви Антіохійской однимъ изъ правителей или духовъ греческихъ, обязанныхъ защищать крѣпость отъ нападеній съ юга. Въ періодъ времени отъ смерти Константина Порфиророднаго до Исаака Комнина въ 1057 г. въ числѣ знатныхъ воинскихъ чиновъ мы здѣсь не видимъ ни одного съ именемъ Евстаѳія; но списокъ этихъ чиновъ еще доселѣ не полонъ. Съ другой стороны—съ 1057 до 1085 г. мы имѣемъ полный таковой списокъ, но здѣсь нѣтъ имени Евстаѳія; слѣдов. нужно искать имени Евстаѳія въ концѣ X или въ началѣ XI в. Авторъ

---

[1]) Schlumberger, L'inscription du reliquaire byzantin en forme d'église du tresor d'Aix-la-Chapelle. Eugène Piot, Monum. et mémoirs, t. XII p. 202 sq.

обращаетъ вниманіе на упоминаніе въ надписи объ Іерусалимѣ и Сіонѣ и полагаетъ, что куполъ реликваріа напоминаетъ мечеть Омара (sic!). Реликваріи сдѣланъ въ Іерусалимѣ для отсылки мощей въ неизвѣстную мѣстность.

Вопросъ о времени изготовленія реликваріа, такимъ образомъ, подтверждается и надписью; но его происхожденіе и первоначальное назначеніе остаются невыясненными.

4) Въ синодальной ризницѣ въ Москвѣ находятся два Іерусалима или Сіона—большой и малый, принадлежавшіе Московскому Успенскому собору. Большой имѣетъ (рис. 2—5) 0,94 м. высоты съ крестомъ; высота стѣнокъ корпуса до шатра 0,43 м.; объемъ 1,50 м. Верхъ Сіона обработанъ на подобіе усѣченнаго шатра, на которомъ утвержденъ трибунъ и четыре маленькія маковицы (уцѣлѣли двѣ); на трибунѣ—маковица съ четвероконечнымъ крестомъ. Въ цѣломъ Сіонъ имѣетъ видъ центрическаго храма. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ поддонъ въ видѣ массивнаго серебрянаго блюда, подобно Новгородскимъ Сіонамъ, но онъ отломанъ; внутри Сіона виденъ желѣзный штырь. Наружныя поверхности его изобильно украшены изображеніями апостоловъ, пророковъ; въ орнаментикѣ широкою полосою проходитъ тератологическій элементъ. На корпусѣ Сіона—апостолы: Петръ—съ ключами (голова утрачена), Павелъ, Яковъ ап., Филиппъ ап., Симонъ, Іоаннъ, Маркъ, Лука ап., Ѳома ап., Матѳей ап., Варѳоломей ап., Андрей ап. Выше корпуса на четырехъ фасахъ—пророки: Моисей съ двумя животными, Валаамъ съ крылатыми животными, Даніилъ съ откинутою въ сторону десницею съ двуперстнымъ жестомъ, съ двумя крылатыми животными, и Иванъ (Предтеча) съ двумя фигурами звѣрей или животныхъ. На

стѣнкахъ трибуна расположены фигуры съ змѣиными хвостами. На куполѣ, имѣющемъ форму маковицы,—мелкіе орнаменты: маски мужскія и женскія, звѣри, птицы, жи-

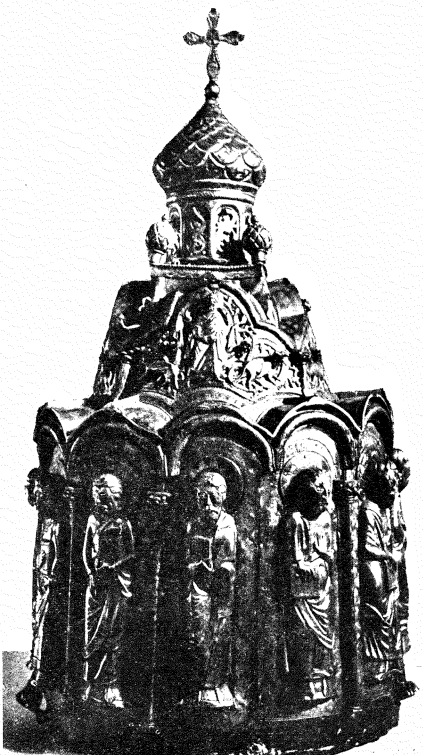


Рис. 2. Большой Московскій Іерусалимъ.

вотныя, змѣи, отчасти фантастическіе. Всѣ фигуры трибуна и купола, равно какъ и корпуса, отдѣляются колонками съ арочками и слѣдовательно представлены въ чертогахъ.

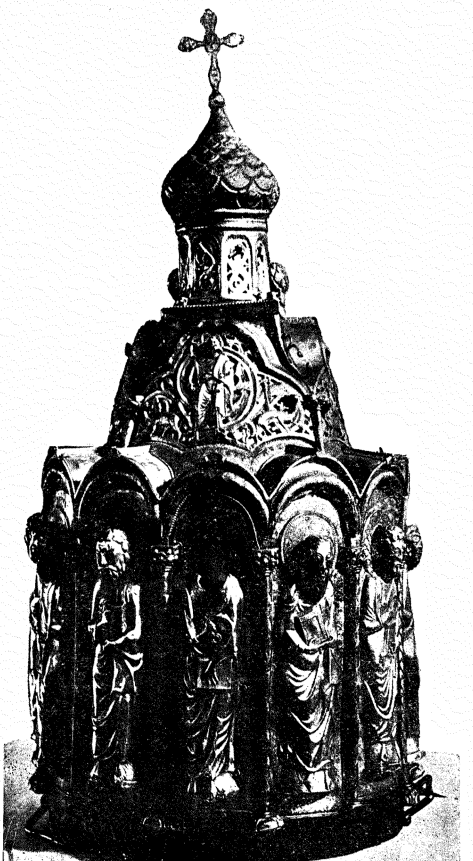


Рис. 3. Большой Московскій Іерусалимъ.

На внутренней сторонѣ двери Сіона чеканная надпись: „Въ лѣто 6994 (1486) сдѣланъ бысть сей Іерусалимъ повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича Господаря всея Руси въ лѣто 25-ое

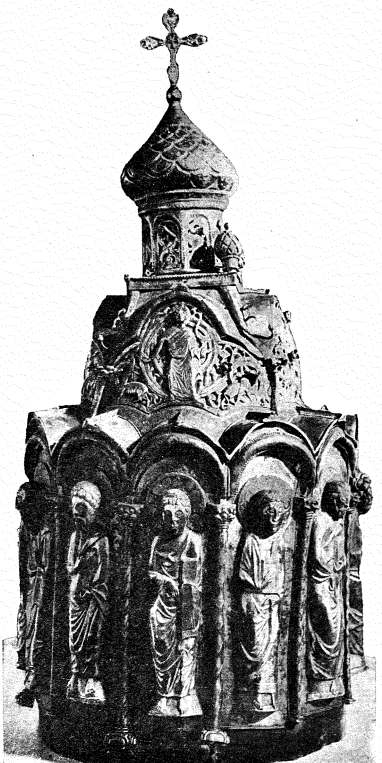


Рис. 4. Большой Московскій Іерусалимъ.

господарства его въ церковь Успенія Пречистыя и ко гробу чудотворца Петра на Москвѣ".—Если архитектура этого Сіона представляетъ черты смѣшаннаго характера—

Рис. 5. Большой Московскій Іерусалимъ.

романскія и русскія, то всѣ наружныя фигуры и звѣриный орнаментъ имѣютъ романское происхожденіе. Слѣдовъ древне-русскаго преданія нѣтъ здѣсь въ типахъ и подобіяхъ святыхъ; западная лѣпка фигуръ, фактура волосъ и костюмовъ, даже характеръ жестовъ, все это указываетъ на романскіе источники. Съ этой стороны мнѣніе гр. А. С. Уварова, высказанное еще въ 1865 г. о романскомъ стилѣ Московскихъ Сіоновъ, совершенно вѣрно. Вѣрно и то предположеніе, что большой Сіонъ изготовленъ, вѣроятно, итальянцами, вызванными въ Москву Іоанномъ III-мъ [1]); но Іерусалимы или Сіоны пришли къ намъ первоначально все-таки не съ запада, какъ полагалъ гр. А. С. Уваровъ, а съ востока, и лишь въ XV вѣкѣ, благодаря наплыву иностранцевъ въ Москву, подверглись столь рѣзкимъ измѣненіямъ въ стилѣ. Замѣтимъ, наконецъ, что эти измѣненія съ такою силою и послѣдовательностію обнаруживаются только въ большомъ Московскомъ Сіонѣ; менѣе значительны они въ маломъ Сіонѣ.

5) Малый Іерусалимъ Московской синодальной ризницы (рис. 6—9) имѣетъ видъ одноглаваго храма Московской архитектуры. Основаніе его квадратное; надъ нимъ кокошники, трибунъ, маковица и восьмиконечный крестъ. Высота его съ крестомъ 0,63 м.; высота корпуса до карниза 0,21 м.; широта стѣнокъ 0,20 м. Алтарной апсиды нѣтъ; нѣтъ также и дверей. На стѣнкахъ корпуса расположены 12 иконографическихъ фигуръ (по три на каждой стѣнкѣ), отдѣленныхъ другъ отъ друга колонками, украшенными чернью, съ базами и капителями (одна колонка утрачена). Иконографическія

---

[1]) Матеріалы для археол. словаря. Древн. Труды Моск. археол. общ. 1865 г. т. I, стр. 75. Ср. Мелкія соч. т. I, 298.

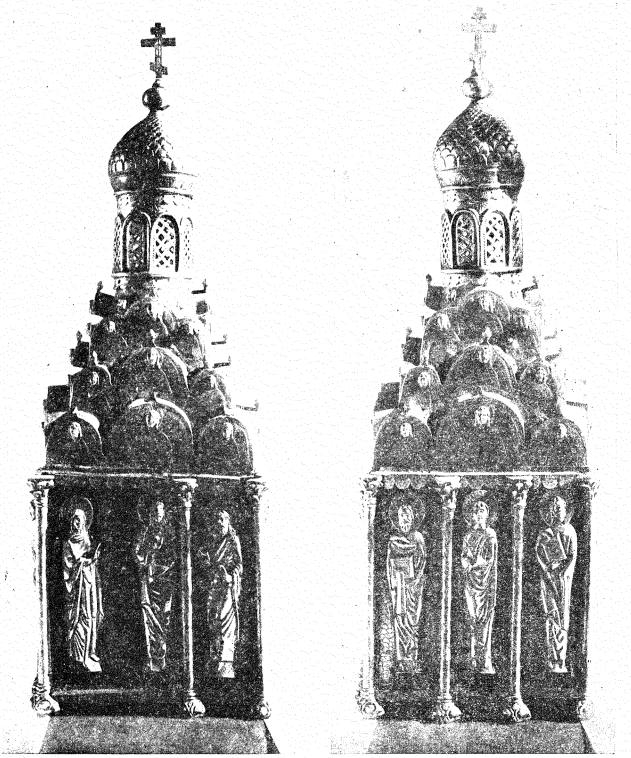
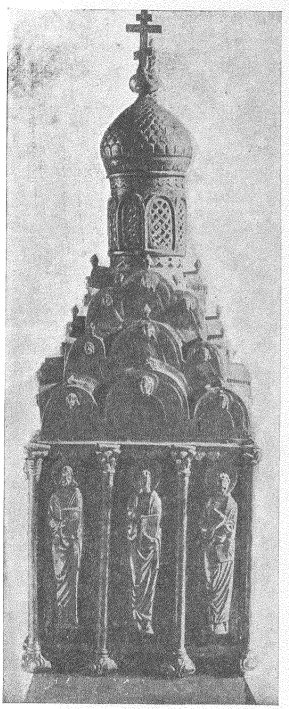


Рис. 6 и 7. Малый Московскій Іерусалимъ.

тріады расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1—3 деисисъ (I. Христосъ, Богоматерь и Предтеча), 4—6 ап. Павелъ, Іоаннъ, Маркъ, 7—9 Яковъ, Симонъ, Андрей, 10—12 Лука, Матѳей, Петръ. На кокошникахъ нацированы ангелы съ чеканными головками; такія же четыре головки ангеловъ помѣщены у основанія трибуна. Поддонъ утраченъ. По карнизу расположена чеканная надпись: „Въ лѣто 6994 (1486) сдѣланъ бысть сій Ерусалимъ повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича Господаря всея Руси въ 24 лѣто господарства его въ церковь Успенія Пречистыя и ко гробу чудотворца Петра на Москвѣ.“—Основные архитектурные мотивы этого памятника—русскіе, точнѣе Московскіе, навѣянные Московскою архитектурою эпохи возрожденія. Но всѣ иконографическія фигуры, вся орнаментика, имѣютъ западный характеръ: всѣ фигуры, головки и жесты, весь стиль декоративный, составляютъ уже продуктъ западнаго творчества—вѣроятно Итальянскаго, внесеннаго сюда пріѣзжими художниками.

Разсмотрѣнными памятниками ограничивается вся наличность древнихъ Іерусалимовъ, сохранившихся до настоящаго времени. Сверхъ того, мы имѣемъ нѣсколько отдѣльныхъ указаній на Іерусалимы или Сіоны греческіе, русскіе и, повидимому, западно-европейскіе. Извѣстный русскій паломникъ начала XIII в. архіепископъ Новгородскій Антоній въ своемъ Путешествіи упоминаетъ, между прочимъ, и объ Іерусалимѣ или Сіонѣ. Описывая великолѣпіе богослуженія въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ, онъ говоритъ: «и какъ понесутъ свѣтозарный Іерусалимъ и рипиды, и тогда воздыханіе и плачъ бываетъ людемъ о грѣсѣхъ. Кій умъ и какова душа иже не помянетъ тогда о царствіи небесномъ и



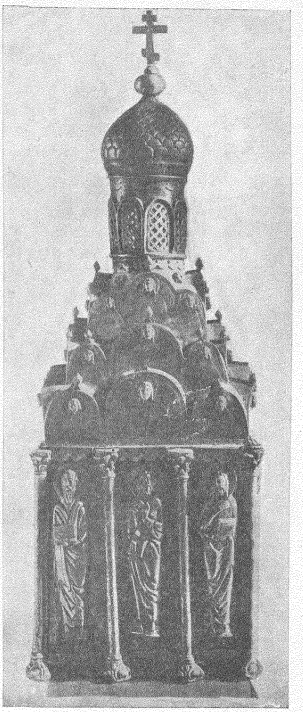


Рис. 8 и 9. Малый Московскій Іерусалимъ.

о жизни безконечной» [1]). Послѣднее выраженіе указываетъ, очевидно, на то, что здѣсь идетъ рѣчь о великомъ входѣ на литургіи. Какъ видно, Іерусалимъ въ св. Софіи былъ «свѣтозарный», т. е. блестящій, — вѣроятно, золотой; онъ, наравнѣ съ рипидами, выдѣлялся изъ ряда другихъ предметовъ торжественной церковной процессіи.

Въ стѣнописяхъ Аѳонскихъ храмовъ, гдѣ между прочимъ иногда изображается великій литургійный входъ, Сіонъ въ ряду другихъ предметовъ, выносимыхъ на этомъ входѣ, замѣченъ былъ нами при личномъ осмотрѣ Аѳонскихъ стѣнописей въ 1888 г. [2]) только одинъ разъ въ Ватопедѣ. Въ виду того, что ни подобныхъ Сіоновъ въ аѳономонастырскихъ ризницахъ, ни указаній на существованіе ихъ въ аѳонскихъ монастыряхъ нѣтъ, мы не можемъ утверждать, что Сіоны дѣйствительно находили здѣсь практическое примѣненіе; возможно, что его воспроизведеніе въ ватопедскихъ стѣнописяхъ, представляющихъ идеальную литургію, указываетъ не на мѣстную монастырскую практику, а на практику Константинопольскую — св. Софіи. То же самое, повидимому, нужно предполагать и по отношенію къ скульптурѣ Реймскаго собора. Дидронъ здѣсь отмѣчаетъ любопытную иконографическую композицію, которую прямо называетъ литургіею. Основныя черты ея тѣ же, что и въ аѳонскихъ стѣнописяхъ; но художникъ ввелъ въ эту композицію аттрибуты верховной власти небесной и земной: ангелы несутъ здѣсь солнце и луну, державу и скипетръ царскій, воинскій

---

[1]) П. И. Савваитовъ, Путешествіе Новгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ, стр. 77. Спб. 1872.

[2]) Евангеліе въ пам. иконогр. стр. 286.

мечъ и эмблему церкви — идеальный храмъ [1]). Храмъ этотъ, очевидно, — *Іерусалимъ или Сіонъ*, выносимый на великомъ литургійномъ входѣ въ Константинополѣ и у насъ въ Россіи. Дидронъ не сомнѣвается, что основной мотивъ этой композиціи реймскій художникъ заимствовалъ изъ Константинополя. И это вполнѣ вѣроятно.

Въ западной церкви, послѣ ея отдѣленія отъ восточной, своихъ Сіоновъ, въ смыслѣ моделей храма, повидимому не было. До насъ не дошло ни одного такого памятника. Въ памятникахъ средневѣковой письменности наименованіе «Сіонъ» и Іерусалимъ встрѣчается нерѣдко, но прилагается оно къ различнымъ предметамъ и не имѣетъ нашего терминологическаго значенія. Въ тестаментѣ Еверарда «Сіоны золотые» (Sia aurea) становятся рядомъ съ филактеріями и составляютъ собственность частнаго лица: ни о формѣ ихъ, ни о назначеніи неизвѣстно ничего [2]). То же въ тестаментѣ Рикульфа (alium calicem cotidianum, Sion argenteum optimum unum, incensarios duos etc.) [3]). Иногда Сіонъ означалъ вѣтвь или прутъ [4]); иногда маленькій сосудъ — vasculum, носимый діаконами вмѣсто «manipulum»: это извѣстіе, заимствованное изъ древняго ритуала западной церкви, сообщено Мартенемъ [5]); въ томъ же ритуалѣ названіе Сіонъ употребляется въ смыслѣ сосуда, посредствомъ котораго вино наливается въ чашу [6]). Все это показываетъ, что названіе «Сіонъ» на западѣ прилагалось къ различнымъ литургическимъ предметамъ и строго-опредѣленнаго значенія не имѣло.

---

[1]) Le symbol de l' église—un temple idéal. Didron, Manuel d'iconogr. p. 231.
[2]) Du Cange, Glossar. latin. s. v. Sium-Sion.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Martene, De antiquis eccl. rit. t. I. 568.
[6]) Du-Cange l. c.

У насъ въ Россіи Іерусалимы были не только въ Новгородѣ и потомъ въ Москвѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ великокняжескихъ городахъ. Извѣстно, что Андрей Боголюбскій во Владимірѣ Кляземскомъ устроилъ три Іерусалима для Успенскаго собора и одинъ Іерусалимъ для церкви Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ. Въ г. Владимірѣ онъ устроилъ прекрасную церковь Успенія Пресвятой Богородицы и «всякими различными виды украси ю отъ злата и сребра, жемчугомъ многоцѣннымъ, паникадилами золотыми и серебряными, а *трiе Іерусалими* вельми велицы иже отъ злата чиста, отъ каменія многоцѣнна устрои» [1]). Сверхъ того: «сій князь благовѣрный Андрей сотвори церковь сію [2]) въ память себѣ и украси ю иконами . . . . златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчугомъ . . . . сосудами златыми . . . . и всякими сосуды церковными и *ерусалимг златъ* съ каменьи драгими» [3]). Итакъ для соборной церкви Андрей Боголюбскій устроилъ три Іерусалима ради вящшаго великолѣпія, а для Боголюбской—одинъ. Послѣдняя изъ этихъ церквей была также княжескою придворною церковію; здѣсь находился дворецъ Андрея Боголюбскаго; остатки этого дворца, въ которомъ Андрей Боголюбскій былъ убитъ, сохранились досель. Вотъ почему и для этой церкви, — не соборной, былъ все-таки устроенъ великолѣпный Іерусалимъ.

Въ дѣлѣ строительства церковнаго и гражданскаго Андрей Боголюбскій, какъ извѣстно, подражалъ Кіеву. А потому вполнѣ вѣроятно, что и Владимірскіе Сіоны явились подъ вліяніемъ Кіева, слѣдовательно возможно

---

[1]) Лѣтоп. по Ипатскому списку подъ 1175 г. Изд. Археогр. комм., стр. 395.
[2]) Церковь Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ.
[3]) Лѣтоп. по Ипатск. списку подъ 1175 г.

предполагать, что и въ стольномъ городѣ Кіевѣ — въ Софійскомъ соборѣ были Іерусалимы или Сіоны [1]).

II.

Іерусалимы или Сіоны, какъ видно изъ приведенныхъ уже фактовъ, принадлежатъ къ числу явленій, если не обычныхъ и широко распространенныхъ, то во всякомъ случаѣ и не рѣдчайшихъ. А потому всѣ существующія ученыя попытки разрѣшить вопросы о назначеніи и происхожденіи Сіоновъ, на основаніи лишь Сіоновъ Новгородскихъ и Московскихъ, по необходимости имѣютъ характеръ односторонній и могутъ быть названы лишь догадками болѣе или менѣе остроумными, но не соотвѣтствующими исторической дѣйствительности. Только наличность памятниковъ, взятыхъ вмѣстѣ во всей совокупности, притомъ въ связи съ историческими данными, можетъ создать почву для разрѣшенія этихъ вопросовъ.

Архіепископъ Амвросій Орнатскій въ своихъ запискахъ о Софійской ризницѣ [2]) мимоходомъ замѣтилъ, что «Сіоны въ древности употреблялись на великомъ выходѣ при архіерейскихъ церемоніальныхъ служеніяхъ, а вмѣсто сего нынѣ на великомъ выходѣ выносится архіерейская митра». Эта случайно брошенная мысль, очевидно, навѣяна мнимымъ сходствомъ формъ Сіона и митры, какого въ дѣйствительности нѣтъ. Невѣрно и то, что митра на великомъ входѣ замѣнила

[1]) Не были ли Іерусалимами тѣ «многоцѣнные два кіота, которые учинилъ» для ростовскаго собора епископъ Кириллъ въ 1231 г.? А. А. Титовъ Ростовъ Великій, стр. 13. М. 1911 г.

[2]) Рукопись Новгор. Софійск. собора.

Сіонъ: тѣ и другіе находили мѣсто одновременно въ этой церемоніи.

То же самое, лишь съ нѣкоторыми подробностями, повторено въ Древностяхъ Россійскаго Государства. «Сіонами или Іерусалимами назывались ковчеги, имѣющіе подобіе церкви. Происхожденіе и подлинное ихъ значеніе въ богослуженіи намъ мало извѣстно... Въ соборныхъ церквахъ Кіева, Новгорода, Пскова, Владиміра и Москвы такіе Іерусалимы выносимы были во время архіерейскаго служенія на маломъ выходѣ предъ Евангеліемъ и на великомъ выходѣ вмѣсто митры (опис. Новгор. Соф. соб. въ Новгор. губ. вѣд. 1848 г. № 9), также въ крестныхъ ходахъ, и ставились на престолѣ въ алтарѣ (Древн. росс. Вивл. т. X, 169)». Очевидно авторъ повторяетъ мнѣніе, критически не провѣренное и ничего не разъясняющее. Въ другомъ мѣстѣ, *въ главѣ о дарохранительницахъ*, Новгородскіе Сіоны прямо приписаны къ этимъ послѣднимъ и отнесены—первый къ XV°—XVI в. [1]), а второй (безъ стѣнокъ) къ XV° в. [2]), также безъ всякой мотивировки.

Извѣстный нѣмецкій ученый Бокъ, упоминая объ Ахенскомъ Сіонѣ [3]), относитъ его къ числу ковчеговъ евхаристическихъ. Архим. Макарій признаетъ Софійскіе Сіоны дарохранительницами [4]). Однако ни тотъ ни другой не считаютъ нужнымъ мотивировать свои

---

[1]) Древн. Росс. Госуд. отд. I № 60, стр. 89. Отд. I № 49—52, стр. 81—82. Ср. также въ опис. Соф. соб. прот. Соловьева (стр. 206—207) и А. И. Конкордина (стр. 118). Гр. А. С. Уваровъ, Труды Моск. Арх. общ. I, 72. 74. Мелкія соч. (изд. гр. П. С. Уваровой 1910 г.) стр. 298. Макарій, Новгор. древн. II, 206. Ср. Пижегор. древн., стр. 100.

[2]) Тамъ же, стр. 83.

[3]) Bock, Das Heiligthum zu Aachen. Köln, 1874, S. 12.

[4]) Арх. Макарій, Археол. опис. церк. древн. въ Новгородѣ II, 205. Ср. Древн. Росс. Госуд. отд. I, № 49—52, стр. 81—83.

отзывы болѣе или менѣе опредѣленно, а наоборотъ— арх. Макарій, равно какъ и авторъ статьи о Сіонахъ въ Древностяхъ Россійскаго Государства, допускаютъ двойственность въ объясненіи: то относятъ они Сіоны къ числу предметовъ церемоніальнаго обихода, то признаютъ ихъ дарохранительницами. Строже и опредѣленнѣе высказывается по этому предмету академикъ Е. Е. Голубинскій. Въ своемъ капитальномъ трудѣ— Исторіи русской церкви Е. Е. Голубинскій полагаетъ, что Сіоны были дарохранительницами,—именно дарохранительницами праздничными, употреблявшимися только въ торжественныхъ случаяхъ (въ Москвѣ) и хранившимися въ ризницѣ; тогда какъ обыкновенныя дарохранительницы находились постоянно на престолѣ. Наименованіе ихъ «Сіоны или Іерусалимы», повидимому, указываетъ на Іерусалимскій храмъ Воскресенія или на Сіонскую горницу [1]).

Послѣднее изъ этихъ замѣчаній, касающееся наименованій Сіоновъ, какъ увидимъ ниже, вполнѣ вѣроятно. Рѣшеніе же вопроса о назначеніи Сіоновъ едва ли можетъ считаться рѣшеннымъ правильно. 1) Въ самомъ дѣлѣ,—если Сіоны были дарохранительницами и заключали въ себѣ освященные дары, то едва ли могли быть они переносимы во время великаго входа на литургіи, въ торжественной процессіи, въ которой переносятся на престолъ дары для «тайной жертвы», еще не освященные? И чѣмъ возможно было бы оправдать подобное явленіе? 2) Почему ни въ одномъ изъ Сіоновъ,— ни Московскихъ, ни Новгородскихъ, нѣтъ никакихъ приспособленій, даже слѣдовъ приспособленій, для храненія здѣсь св. даровъ? 3) Появленіе Сіоновъ въ Москвѣ

[1]) Е. Е. Голубинскій, Исторія русск. ц. I, 2 пол. стр. 149.

только при Іоаннѣ III, а не ранѣе, заставляетъ искать другую причину ихъ устроенія въ современныхъ условіяхъ церковной и государственной жизни; между тѣмъ дарохранительницы, даже золотыя, были въ Москвѣ и ранѣе того времени. 4) Почему Сіоны мы видимъ не во всѣхъ церквахъ, а только въ древнѣйшихъ соборахъ? Если бы Сіоны были дарохранительницами, то они были бы и въ знаменитыхъ и богатыхъ древнихъ монастыряхъ. Дарохранительницы нужны для каждой церкви. Однако здѣсь мы не видимъ ихъ; Іоаннъ III, сооружая два Сіона для Москвы, руководится примѣромъ Новгорода, гдѣ были въ Софіійскомъ соборѣ два Сіона. А. П. Голубцовъ въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи о Соборныхъ чиновникахъ предполагаетъ, что Сіоны могли замѣнять собою дискосы при перенесеніи даровъ на великомъ входѣ, или—что дискосы переносились въ Сіонахъ [1]). Соображеніе весьма остроумное, и съ нимъ возможно было бы согласиться, тѣмъ болѣе, что и самая форма Сіоновъ, какъ увидимъ ниже, вполнѣ гармонируетъ съ этимъ объясненіемъ. Тѣмъ не менѣе оно вызываетъ возраженія: 1) если Сіоны замѣняли дискосы, то почему мы не видимъ ихъ въ Аѳонскихъ стѣнописяхъ въ изображеніи великаго входа, за исключеніемъ, быть можетъ, стѣнописей ватопедскихъ; 2) притомъ, въ стѣнописяхъ ватопедскихъ находятся въ указанной процессіи также и дискосы,—отдѣльно отъ Сіона; 3) для дискосовъ средней величины двери Сіоновъ не только Новгородскихъ, но и Московскихъ, недостаточно широки; 4) помѣщеніе дискоса внутри Сіона въ торжественной церемоніи великаго входа скрывало бы отъ

[1]) А. П. Голубцовъ, Соборные чиновники, стр. 218, М. 1907. Ср. Martene, t. V, Anecd. col. 95,

взоровъ присутствующихъ дискосъ, звѣздицу и покровъ и тѣмъ ослабляло бы пышность церемоніи; 5) наконецъ, къ числу указанныхъ неудобствъ Сіоновъ для данной цѣли слѣдуетъ отнести массивность Сіоновъ, особенно Московскихъ: большой Московскій Сіонъ едва ли сможетъ нести на извѣстной высотѣ одинъ діаконъ; его носили двое за особыя ручки. 6) А. П. Голубцовъ, при этомъ, ссылается на сообщеніе Германа Еп. Парижскаго о Галликанской литургіи, гдѣ евхаристическій сосудъ названъ башнеобразнымъ (turris). Аналогичное извѣстіе находимъ у Григорія Турскаго, который прямо называетъ евхаристическій сосудъ башнею [1]). Но «башня» не то же, что Іерусалимъ или Сіонъ. Въ формѣ башни и церкви устраивались въ древности церковные ковчеги различнаго назначенія; въ данномъ случаѣ turris ближе подходитъ не къ Сіону, а къ пиксидѣ—πυξίον, которая была дарохранительницею и имѣла иногда форму башни [2]). Пиксиды составляли обычную принадлежность всѣхъ церквей, хотя не всегда изготовлялись изъ слоновой кости. Отъ этихъ пиксидъ, вѣроятно, произошли католическія «mostrantia, ostensorium».

Сіоны по своему назначенію не были ни реликваріями, ни дарохранительницами. Если Ахенскій Сіонъ превращенъ былъ въ реликварій, то это превращеніе

---

[1]) Acceptaque turre diaconus in qua misterium dominici corporis habebatur ferre caepit ad ostium, ingressusque templum ut eam altari superponeret. Gregor Tur. de gloria mart. c. 86.

[2]) Du Cange, Glossar. latin. s. v. turris et pyxis; cf. Gloss. gracc. s. v. πυξίον. Нѣкоторые (Kraus, Gesch. d. chr. Kunst I, 527) видятъ эти пиксиды въ рукахъ діаконовъ на древнихъ изображеніяхъ послѣднихъ; но, какъ показываетъ уцѣлѣвшая доселѣ на Аѳонѣ древняя практика, это не дарохранительницы и не ладоницы, а реликваріи—мощехранительницы. Кромѣ пиксидъ изъ слоновой кости, до насъ дошли мѣдныя позолоченныя дарохранительницы въ видѣ башенокъ. Образцы въ Баварскомъ національномъ музеѣ. Katalog d. bayer. Nationalmuseums Bd V, Taf. X, 269—279.

есть дѣло позднѣйшаго времени. Быть можетъ, со временемъ найдутся и другіе реликваріи и даже дарохранительницы, которыя были первоначально Іерусалимами. Надпись о находящихся въ немъ мощахъ св. Анастасія (персидскаго?) сдѣлана не на самомъ Сіонѣ, а на особомъ листкѣ пергамента,—притомъ она—на латинскомъ языкѣ. Псковская серебряная дарохранительница (въ Троицкомъ соборѣ), устроенная въ XVII в. [1]) всегда была дарохранительницею. Правда, она имѣетъ видъ храма, по своимъ размѣрамъ близко подходящаго къ Московскому малому Сіону, а отчасти и по архитектурному плану; но она никогда не называлась, да и не могла, какъ увидимъ ниже, называться Іерусалимомъ или Сіономъ. Находящееся на ней, между прочимъ, изображеніе тайной вечери прямо указываетъ на ея евхаристическое назначеніе. Скинія Московскаго Архангельскаго Собора [2]), устроенная при Петрѣ I въ формѣ трехглавой церкви—также дарохранительница: прозрачное указаніе на такое именно назначеніе ея находимъ какъ въ названіи ея, такъ и въ изображеніи тайной вечери въ типѣ Миланской вечери Леонардо да Винчи на лицевой сторонѣ. Если бы мы предположили, что Іерусалимы были дарохранительницами, то естественно было бы ожидать встрѣтить ихъ не только въ соборныхъ церквахъ, но и въ монастырскихъ и даже въ приходскихъ храмахъ болѣе или менѣе богатыхъ; однакожъ этого нѣтъ: не только не сохранилось до насъ ни одного памятника этого рода даже въ древнѣйшихъ знаменитыхъ монастыряхъ—Кіевопечерскомъ, Троице-Сергіевомъ и др.; но нѣтъ даже и никакихъ упоминаній о

---

[1]) Князевъ, Историч. опис. Псковск. каеедр. Троицк. соб. М. 1858.

[2]) Древн. Росс. Госуд. отд. I, № 61.

нихъ, никакихъ слѣдовъ въ памятникахъ древней письменности. Не было ихъ даже и въ обыкновенныхъ древнихъ соборахъ, гдѣ отправлялись торжественныя архіерейскія служенія. Вотъ почему въ Чиновникѣ Холмогорскаго Преображенскаго собора, при описаніи торжественныхъ богослуженій, нигдѣ нѣтъ никакихъ упоминаній ни объ Іерусалимахъ, ни о Сіонахъ; въ чиновникахъ же Новгородскихъ и Московскихъ они упоминаются часто, какъ принадлежность пышнаго праздничнаго богослуженія. Такимъ образомъ происхожденіе и назначеніе Іерусалимовъ остается пока неизвѣстнымъ. По нашему мнѣнію, для изъясненія смысла Іерусалимовъ необходимо подойти къ дѣлу съ другой стороны. Если бы даже и удалось уяснить ихъ назначеніе путемъ историческихъ соображеній и справокъ, все-таки останется не рѣшеннымъ вопросъ о художественно-археологическихъ формахъ Іерусалимовъ и ихъ генезисѣ, что составляетъ главнѣйшую сторону въ разсматриваемыхъ памятникахъ. И если мы разсмотримъ Іерусалимы съ этой послѣдней точки зрѣнія,—какъ выраженіе извѣстнаго художественнаго типа, опирающагося въ своемъ генезисѣ на реальныя художественныя основы, введемъ ихъ, путемъ анализа формъ, въ среду однородныхъ памятниковъ христіанской древности, то найдемъ крѣпкую базу для установки и рѣшенія вопроса о происхожденіи и назначеніи Іерусалимовъ. Основная архитектурная форма Новгородскихъ Сіоновъ—форма храма—круглаго въ планѣ; это общая форма древне-христіанской ротонды или круглаго храма. Но въ формѣ храма въ христіанской древности, особенно на востокѣ, строились многіе предметы церковной утвари: дарохранительницы, реликваріи, кадила, фонари, киворіи и т. п. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ трудно отличить

со стороны формы реликваріи отъ Сіона или отъ киворія. Реликваріи византійскій XI в. въ Московской Синодальной ризницѣ мы распознаемъ только по греческой надписи, изъ которой видно, что онъ представляетъ миніатюрную копію большого киворія, бывшаго надъ мощами св. Димитрія въ извѣстномъ Солунскомъ храмѣ [1]). Венеціанскій киворій въ храмѣ св. Марка (VI—VII в.), по своимъ архитектурнымъ формамъ напоминающій церковь съ куполомъ, имѣетъ четвероугольную форму безъ добавочной ротонды, а потому мы не рѣшаемся отнести его къ категоріи Сіоновъ; тѣмъ болѣе что и находящаяся на немъ греческая надпись: ὑπὲρ εὐχῆς καὶ σωτηρίας τῆς ἐνδοξοτάτης Ἀναστασ [2]), не даетъ для этого никакихъ основаній. Въ такихъ случаяхъ иногда оказываетъ помощь преданіе, смыслъ котораго отражается въ наименованіи предметовъ. Мы отнюдь не хотимъ сказать, что наименованіе предмета само по себѣ имѣетъ рѣшающее значеніе и что на столь скользкой почвѣ возможно обосновать ученый взглядъ на предметъ. Наименованіе, — и только одно *древнее* наименованіе, важно лишь постольку, поскольку оно стоитъ въ гармоніи съ другими данными, относящимися къ тому же предмету.

Наименованія «Іерусалимъ» и «Сіонъ», какъ въ примѣненіи къ нашимъ Сіонамъ, такъ и въ древней библейской и христіанской письменности, употребляются иногда какъ синонимы и относятся то къ городу Іерусалиму, то къ храму Соломонову, то къ храму Воскре-

---

[1]) Христ. др., изд. Прохорова, 1862. Ст. И. И. Срезневскаго въ кн. VIII-ii.

[2]) Ongania, S. Marco. Detagli di Basilica di s. Marco. Iacobi, III Tav. XXXIV A, № 60 a. Ср. «фонарь Бегона» т. е. реликваріи Викентія или Бегона—купольный храмъ, напоминающій Сіонъ, XII в. André Michel, Hist. de l' art, II partie p. 858, fig. 456.

сенія въ Іерусалимѣ, то къ кувуклію гроба Господня, то къ Сіонской горницѣ и храму тамъ построенному.

Въ Библіи Сіонъ означаетъ Іерусалимъ и холмъ, на которомъ онъ построенъ: въ Сіонѣ живетъ Господь (Захар. VIII, 3; псал. II, 6; LXXV, 3); отъ Сіона спасеніе Израиля (псал. XIII, 7); Богу подобаетъ хвала въ Сіонѣ и обѣтъ въ Іерусалимѣ (пс. LXIV, 2); въ Сіонѣ явится Богъ боговъ (пс. LXXXIII, 8); Господь въ Сіонѣ высокъ (пс. XCVIII, 2); въ Сіонѣ возвѣщается имя Господне и хвала Его въ Іерусалимѣ (пс. CI, 22); Господь избралъ Сіонъ и возжелалъ его въ жилище себѣ (пс. CXXXI, 13) [1]); Іерусалимъ городъ и домъ Господа Бога (пс. CXXI, 3, 9.); Богъ живетъ въ Іерусалимѣ (пс. CXXXIV, 21); Сіонъ—градъ Бога живаго—Іерусалимъ небесный, церковь первенцевъ, написанныхъ на небесахъ (Евр. XII, 22); вышній Іерусалимъ свободенъ; *онъ матерь всѣмъ намъ* (Галат. IV, 26). Мѣста эти имѣютъ характеръ общіи, и только два послѣднія мѣста изъ новаго завѣта имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ нашему предмету,—поскольку Іерусалиму усвояется здѣсь названіе «церкви первенцевъ» и «матери всѣхъ церквей». Въ смыслѣ конкретномъ наименованія эти приложимы къ Сіонской горницѣ, гдѣ совершена тайная вечеря, гдѣ сошелъ на апостоловъ Св. Духъ и гдѣ впослѣдствіи построенъ былъ храмъ.

Паломники и церковныя пѣснопѣнія говорятъ по нашему вопросу глухо. Сильвія неоднократно упоминаетъ о Сіонѣ и о Сіонскомъ храмѣ [2]), но никогда не усвояетъ имъ наименованія «Іерусалимъ». Другіе паломники о Сіонскомъ храмѣ говорятъ: на верхней *пло-*

---

[1]) Ср. надпись на Ахенскомъ Сіонѣ.

[2]) Peregrinatio ad loca sancta IV sacc. Палест. сборн. VII, 2 passim.

скости горы Сіона находится большая церковь, основанная апостолами, потому что тутъ они пріяли Духъ Святъ; тутъ же успе пресв. Марія и тутъ указываютъ также мѣсто вечери Господней [1]). И еще: въ Сіонской горницѣ произошло успеніе Богоматери: тутъ успе пресв. Марія, тутъ Господь возлежалъ на вечери со своими учениками и тутъ ниспослалъ на нихъ Духа Святаго [2]). Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ Іерусалимомъ или Сіономъ называется церковь Христова Іерусалимская и городъ Іерусалимъ: свѣтися, свѣтися, новый *Іерусалиме*, слава бо Господня на тебѣ возсія, ликуй нынѣ и веселися, Сіоне [3])! На гору Сіонъ взыди благовѣствуяй, и Іерусалиму проповѣдуяй въ крѣпости вознеси гласъ: преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій [4]). Рѣшительное очищеніе грѣховъ, огнедухновенную пріимите Духа росу, о чада свѣтообразная церковная: нынѣ отъ Сіона бо изыде законъ, языкоогнеобразная Духа благодать [5]).

Ни сообщенія паломниковъ, ни церковныя пѣснопѣнія не даютъ достаточныхъ разъясненій по вопросу о происхожденіи и назначеніи Новгородскихъ Сіоновъ или Іерусалимовъ. Тотъ фактъ, что эти Іерусалимы или Сіоны по своему происхожденію имѣютъ какое-то соотношеніе съ горою Сіономъ и городомъ Іерусалимомъ, а также и съ Іерусалимскою церковію, безспоренъ; но указанные памятники письменности не даютъ основаній пріурочить наши ковчеги къ той или другой Іерусалим-

---

[1]) Петра діакона книга о св. мѣстахъ. Правосл. палест. сборн. VII, 2 стр. 180 (Беда гл. III).

[2]) Тамъ же, стр. 191 (Апонимъ).

[3]) Пасх. кан. Іоанна Дамаскина п. IX, ирмосъ.

[4]) Кан. въ нед. Ваій Козьмы Маюмскаго п. V, ирмосъ.

[5]) Кан. на пятьдес. Козьмы Маюмскаго п. V, ирмосъ.

ской церкви. Церковь на Сіонѣ паломники называютъ Сіономъ, но никогда не называютъ Іерусалимомъ, новымъ Іерусалимомъ; послѣднее названіе встрѣчается въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, но оно относится вообще къ церкви Христовой въ Іерусалимѣ, а не къ одному какому-либо храму. Но паломники разъясняютъ намъ одно любопытное явленіе, прямо не относящееся къ нашей задачѣ, но искуственно связанное съ нею въ Древностяхъ Россійскаго Государства, гдѣ приведено извѣстіе А. Н. Муравьева, что въ Грузіи наименованіе «Сіонъ» усвояется соборнымъ храмамъ въ честь Успенія Богоматери, потому что Богоматерь преставилась на Сіонѣ [1]). Извѣстіе это правдоподобно, хотя не во всей полнотѣ. По словамъ Д. З. Бакрадзе, въ Грузіи Сіонами назывались многіе храмы: Тифлисскій Сіонскій соборъ, храмы самшвилдскій, болнискій, эрцойскій, кавказскій у Казбека, атенскій, уцерскій, шилдскій и другіе [2]). А. А. Цагарелли сообщилъ намъ, что у царевича Вахуштія, грузинскаго географа первой половины XVIII в., который служитъ главнымъ и даже единственнымъ письменнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о грузинскихъ Сіонахъ, прямо названы Сіонами только Тифлисскій, атенскій и уцерскій соборы во имя Успенія Пресв. Богородицы, а Болнисскій названъ Сіономъ только на основаніи древней надписи на колокольнѣ при храмѣ. По тому же вопросу получены нами отъ графини П. С. Уваровой слѣдующія свѣдѣнія:» 1) Сіоны встрѣчаются только въ западной Грузіи, въ восточной-же ихъ вовсе нѣтъ, и если Бакрадзе называетъ церковь въ Уцери «Сіономъ», то это ошибка. 2) Іоссельяни говоритъ, что

---

[1]) Древ. Росс. Госуд. отд. I № 60, стр. 89 и слѣд.

[2]) Бакрадзе, Кавказъ. Изд. 1875 г., стр. 145.

«Сіонами» въ древней Грузіи назывались храмы безъ куполовъ, но это мнѣніе ни на чемъ не основано, такъ какъ большинство храмовъ, теперь носящихъ это названіе, всѣ съ куполами. 3) Большинство храмовъ, называвшихся «Сіонами», всегда были соборные. 4) Почти всѣ храмы, такъ называемые, посвящены Божіей Матери. 5) Кромѣ указанныхъ Вами «Сіоновъ», существуетъ еще храмъ въ селеніи Чхиквта, недалеко отъ Бѣлаго Ключа, который тоже называется «Сіономъ». Храмъ этотъ построенъ въ 1679 г. 6) Въ Арменіи указываютъ на два храма, носящихъ названіе «Сіоновъ»: Сурбъ-Сіонскій Монастырь и Сурбъ-Сіонская Пустынь[1])».

Въ виду приведенныхъ данныхъ становится вполнѣ достовѣрнымъ, что Сіонскіе храмы или Сіоны на Кавказѣ и во главѣ ихъ Тифлисскій Сіонскій соборъ явились подъ вліяніемъ Сіонскаго храма въ честь Богоматери въ Іерусалимѣ. Косвенное подтвержденіе этого находится въ томъ, что рядомъ съ этимъ храмомъ на Сіонѣ находился храмъ св. Іакова, принадлежавшій прежде, по словамъ А. А. Цагарелли, грузинамъ, а теперь занятый армянами. Отсюда, казалось бы, естественно предположить—не стоятъ ли въ родствѣ съ этою Сіонскою церковью въ Іерусалимѣ и наши русскіе, въ частности, Софійскіе Сіоны и не оттуда ли заимствовали они свою форму? Нѣтъ. Предположеніе это совершенно расходится съ наличностью историческихъ и художественно-археологическихъ данныхъ. Древнѣйшее и первое наименованіе нашихъ ковчеговъ было не—«Сіоны», а Іерусалимы. И не только всѣ Новгородскіе Сіоны, начиная съ Сіона, взятаго Всеславомъ Брячиславичемъ въ св. Софіи, называются въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ

[1]) Ср. Бакрадзе, стр. 138 и 139.

«Ерусалимами», а не «Сіонами», но также и Владимірскіе и Московскіе; даже Сіонъ храма св. Софіи въ Константинополѣ архіеп. Антоній назвалъ «Ерусалимомъ». Названіе «Сіонъ» въ примѣненіи къ разсматриваемымъ ковчегамъ, если оставить въ сторонѣ пророчественное указаніе на Сіонъ (Псал. CXXXI, 13), начертанное на Ахенскомъ Іерусалимѣ, становится употребительнымъ не ранѣе XVI—XVII в. у насъ въ Россіи: его встрѣчаемъ обычно въ соборныхъ чиновникахъ того времени (XVII в.). Въ Чиновникѣ Новгородскомъ уже повсюду употребляется одно только наименованіе «Сіонъ» большой—малый, «Сіоны», и ни разу не встрѣчается наименованіе «Іерусалимъ»; слѣдовательно въ Новгородѣ въ XVII в. старое наименованіе было уже забыто и замѣнено новымъ. Въ Московскомъ Чиновникѣ, наоборотъ, чаще всего употребляется старое наименованіе «Іерусалимъ» въ приложеніи къ обоимъ ковчегамъ — большому и малому, и лишь въ двухъ мѣстахъ встрѣчается наименованіе «Сіонъ, Сіоны»: въ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы на великомъ литургійномъ выходѣ «діаконы носятъ 4 рипиды *да ерусалимъ да св. Сіонъ*» [1]); а 20 декабря въ недѣлю св. отецъ (166 года [2]) «на великомъ выходѣ въ херувимскую пѣснь носили діаконы Сіонъ большой и меньшій». Такимъ образомъ сравнительно позднее наименованіе «Сіонъ» само по себѣ не даетъ никакого основанія ставить въ связь (по происхожденію) наши древніе (не позднѣе X—XI в.) Іерусалимы ни съ Сіонскою горницею, ни съ храмомъ на Сіонѣ. Съ другой стороны,—и это самое главное, Сіонскій храмъ, по своей архитектурѣ, никогда не былъ ротон-

---

[1]) А. П. Голубцовъ, Чин. Моск. Усп. соб., стр. 208—209.

[2]) Тамъ же, стр. 290.

дою и, по словамъ русскаго паломника Даніила (XII в.), былъ построенъ *клѣтски* [1]) т. е. въ видѣ четвероугольной клѣти; между тѣмъ какъ наши древнѣйшіе Новгородскіе Іерусалимы копируютъ архитектурныя формы круглаго храма. Это крупное различіе невозможно оставить безъ вниманія, не нарушая основныхъ методологическихъ требованій въ данномъ вопросѣ.

III.

Представленіе о Сіонѣ матери церквей съ теченіемъ времени расширилось, и если въ апостольскій періодъ явилась въ Антіохіи церковь, гдѣ вѣрующіе во Христа впервые стали называться христіанами, то и въ Іерусалимѣ наряду съ этою первою Сіонскою церковію въ IV вѣкѣ стала другая церковь, которая своею пышностію и великолѣпіемъ отвлекла общее вниманіе отъ бѣдной Сіонской горницы. Это былъ знаменитый храмъ, построенный императоромъ Константиномъ Великимъ на мѣстѣ спасительныхъ страданій Іисуса Христа. Всѣ царственныя заботы приложены были къ сооруженію прекраснаго зданія. Императоръ желалъ, чтобы не только самый храмъ былъ великолѣпнѣе всѣхъ храмовъ, гдѣ либо существующихъ, но и другія при немъ зданія были бы гораздо превосходнѣе самыхъ прекрасныхъ по городамъ строеній. Найдены были лучшіе художники и мастера, драгоцѣннѣйшіе мраморы для колоннъ, заготовлена мозаика и золото. Живой свидѣтель этого историкъ Евсевій оставилъ намъ восторженное описаніе храма: На мѣстѣ спасительнаго страданія воздвигнутъ *новый Іерусалимъ* въ противоположность такъ на-

[1]) По изд. Палест. общ. вып. 3, стр. 58.

зываемому древнему, который, послѣ беззаконнаго господоубійства, для наказанія нечестивыхъ его жителей, подверженъ крайнему опустошенію. Въ противоположность этому-то Іерусалиму, царь на счетъ богатыхъ и многочисленныхъ взносовъ построилъ храмъ въ ознаменованіе побѣды Спасителя надъ смертію, — можетъ быть тотъ самый храмъ, который пророческое слово называетъ *новымъ и юнымъ Іерусалимомъ,* и во славу котораго, по внушенію Духа Божія, такъ много говорится въ Писаніи. Впрочемъ напередъ, какъ главу всего, царь украсилъ священную пещеру, — божественную *гробницу, у которой сотоносный ангелъ* нѣкогда возвѣстилъ всѣмъ о возрожденіи, дарованномъ чрезъ Спасителя. Эту-то пещеру, какъ бы главу всего, христолюбивѣйшая щедрота царя напередъ одѣла отличными колоннами и многочисленными украшеніями. Изъ пещеры есть выходъ на обширную площадь подъ открытымъ небомъ: эта площадь выстлана блестящимъ камнемъ и съ трехъ сторонъ обведена длинными непрерывными портиками. Рядомъ съ пещерою на восточной сторонѣ ея стоитъ базилика — зданіе чрезвычайное, высоты неизмѣримой, широты и длины необыкновенной [1])»... Описаніе это съ нашей точки зрѣнія представляетъ выдающуюся важность.

Историкъ Евсевій прилагаетъ наименованіе «Іерусалимъ» къ храму Воскресенія Іисуса Христа въ Іерусалимѣ. Это, по словамъ его, «новый Іерусалимъ», глава его—Ἀναστάσις; онъ воздвигнутъ на мѣстѣ спасительнаго страданія Іисуса Христа... въ противоположность старому Іерусалиму, подвергнутому крайнему опустошенію; «Іерусалимъ новый и юный», предвозвѣщенный

[1]) Евсевій, О жизни царя Константина, кн. II, гл. 33—36.

пророкомъ. Онъ имѣлъ видъ ротонды или круглаго христіанскаго храма; былъ богато украшенъ. Ротонда находилась надъ пещерою и гробницею, у которой свѣтоносный ангелъ возвѣстилъ св. женамъ о воскресеніи Іисуса Христа. Къ ней примыкали портики и базилика [1]). Сильвія упоминаетъ объ этомъ Константиновскомъ сооруженіи: иногда она различаетъ здѣсь Martirium или ecclesia maior [2]) и Anastasis [3]), иногда оба эти сооруженія именуются Anastasis, basilica Anastasis и представляются сопредѣльными: basilica quae est loco juxta Anastasim, foras tamen [4]). Замѣтимъ кстати, что пещера гроба въ храмѣ Воскресенія, по словамъ Сильвіи, отдѣлена была рѣшеткой [5]) и внутри ея горѣла неугасимая лампада [6]); множество лампадъ и свѣчъ горѣло въ храмѣ [7]). Итакъ, ротонда храма Воскресенія имѣла округлую форму и ей усвоено было уже Евсевіемъ наименованіе «новаго Іерусалима». Но къ этому храму приложимо вполнѣ также и наименованіе Сіонъ. Еще и до сихъ поръ здѣсь (въ православномъ каѳоликонѣ) находится надпись: Χαῖρε Σιὼν ἁγία, μητὴρ τῶν ἐκκλησιῶν, Θεοῦ κατοικητήριον. Σὺ γὰρ ἐδέξω πρώτη ἄφεσιν ἁμαρτιῶν διὰ τῆς ἀναστάσεως [8]). Тѣже наименованія прилагаются и къ Новгородскимъ Сіонамъ; приложимо оно и къ Ахенскому [9]) и къ Московскимъ. Но въ нашемъ вопросѣ важно не столько наименованіе, сколько основныя формы: тамъ

---

[1]) Евсевій l. c.

[2]) Peregrinatio ad loca sancta, p. 47. Изд. палест. об.

[3]) Ibid. p. 41.

[4]) Ibid. p. 41—42.

[5]) Ibid. p. 69.

[6]) Ibid. p. 40.

[7]) Ibid. p. 41.

[8]) Ἑκατονταετηρὶς τοῦ πανιεροῦ ναοῦ τῆς Ἀναστάσεως 1810—1910; σ. 32—cf. 147.

[9]) Ср. гр. надпись на немъ: избралъ Господь—*Сіонъ*...

и здѣсь основная форма круглая. Отсюда вытекаетъ не только возможность, но и обязательность, при выясненіи вопроса о генезисѣ Іерусалимовъ или Сіоновъ, сравнивать ихъ съ ротондою храма Воскресенія въ Іерусалимѣ. Сравненіе это необходимо вести въ порядкѣ историческомъ.

Храмъ Воскресенія въ Іерусалимѣ, за продолжительный періодъ своего существованія, потерпѣлъ нѣ-

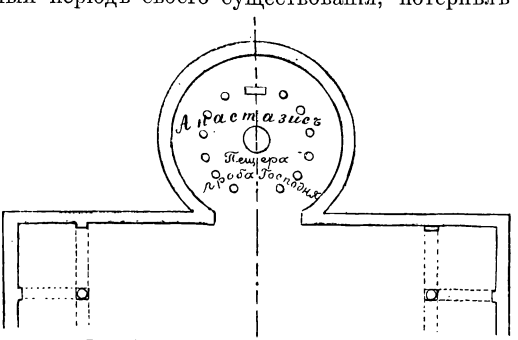


Рис. 10. Ротонда Гроба Господня по Тоблеру.

сколько разрушеній и перестроекъ и совершенно уже измѣнилъ теперь свой прежній видъ. Никакихъ чертежей и рисунковъ его первоначальнаго вида до насъ не дошло, и новѣйшія архитектурныя репродукціи его Виллиса, Тоблера, Вогюэ, Сеппа и Шика опираются главнымъ образомъ на сообщенія Евсевія [1]). Для образца приводимъ здѣсь реставраціи Тоблера (рис. 10), Вогюэ (рис. 11) [2]) и Шика (рис. 12). Но до насъ сохра-

[1]) Палест. сборн., прилож. къ 7-му вып. табл. № XVII.

[2]) Vogüé, Les églises de la Térre Sainte. Paris, 1860. Н. П. Кондаковъ (Іерусалимъ христіанскій. Правосл. богосл. энциклопедія Лопухина—Глубоковскаго, т. IV, стр. 511), опираясь на Евсевія, полагаетъ, что фактъ существованія особой ротонды, окружавшей гробницу, остается сомнительнымъ...

нилось множество памятниковъ древне-христіанскаго и византійскаго изобразительнаго искусства, въ которыхъ передаются основные архитектурные мотивы его. Пусть въ задачу этихъ художниковъ не входило точное копированіе храма Воскресенія; все же они показали и наблюдательность, и пониманіе архитектурныхъ мотивовъ и формъ. Мы имѣемъ въ виду тѣ памятники скульптуры въ мраморѣ и слоновой кости (аворіи), мозаики и миніатюры, на которыхъ находится изображеніе воскресенія Христова, — точнѣе явленіе ангела св. женамъ у гроба Господня. Извѣстно, что древне-христіанскіе художники до IX в. не оставили намъ ни одной попытки изображенія самаго факта воскресенія Іисуса Христа: да такихъ попытокъ выразить въ реальныхъ формахъ чудесное событіе, стоящее внѣ сферы человѣческихъ познаній и представленій, у нихъ не могло и быть. Для выраженія мысли о воскресеніи Іисуса Христа они изображали ротонду храма Воскресенія въ Іерусалимѣ, а иногда, повидимому, кувуклію и возлѣ нихъ — стражей упавшихъ, и ангела, возвѣщающаго св. женамъ о воскресеніи, что вполнѣ соотвѣтствуетъ вышеприведеннымъ словамъ Евсевія. Допускаемый въ этой иконографической композиціи анахронизмъ (ротонда устроена въ IV в.) — явленіе обычное въ восточной иконографіи, гдѣ историческая точность нерѣдко приносится въ жертву требованію полноты выраженія идеи. Въ данномъ случаѣ замѣна пещеры гроба Господня построеннымъ на томъ мѣстѣ въ IV в. храмомъ была почти неизбѣжна потому, что пещеры этой въ ея первоначальномъ видѣ въ средніе вѣка уже не

однако въ томъ же соч. авторъ, приведя свидѣтельство Бревіарія (VI в.), говоритъ: приходится утверждать, что ротонда св. Гроба построена была или самимъ Константиномъ или въ ближайшіе послѣ него годы (стр. 523).

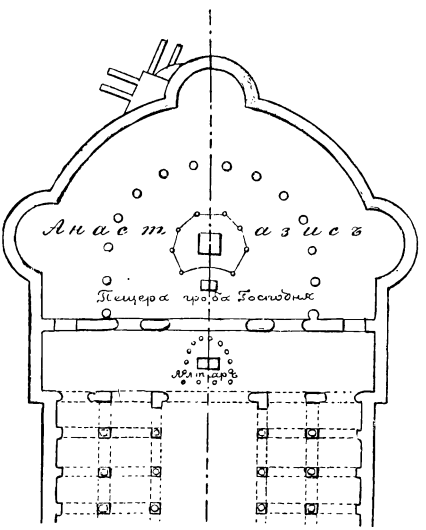


Рис. 11. Ротонда по Вогюэ.

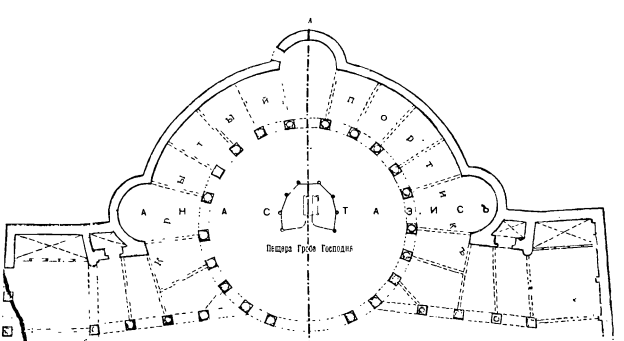


Рис. 12. Ротонда по Шику.

было, а вмѣсто нея въ сознаніи художниковъ естественно выступала ротонда храма Воскресенія и кувуклій. И это было тѣмъ легче, что и самая форма ротонды по своему происхожденію и назначенію была формою гробничныхъ сооруженій. Нѣтъ нужды говорить о древнѣйшемъ примѣненіи ея къ устройству мавзолеевъ; достаточно обратить вниманіе на широкое примѣненіе ея, главнымъ образомъ, къ цѣлямъ погребальнымъ въ древне-христіанскомъ мірѣ; таковы: надгробный памятникъ Елены, матери Константина Великаго, въ Кампаньѣ (Torre pignaterra), церковь Констанцы въ Римѣ, церковь св. Георгія въ Солуни, баптистеріи Латеранскій въ Римѣ, церковь св. Стефана (Rotondo), мавзолей Галлы Плакиды въ Равеннѣ, храмъ Ѳеодориха въ Равеннѣ и др. [1]). Къ этому же архитектурному типу ротонды относится и ротонда храма Воскресенія въ Іерусалимѣ; она же—и кувуклій проходитъ и въ указанныхъ памятникахъ изобразительнаго искусства.

Приступая къ характеристикѣ этихъ памятниковъ, мы должны сдѣлать одно предварительное замѣчаніе: художники въ указанныхъ группахъ памятниковъ не даютъ, да и не могли дать, не только точной копіи храма, но и—подражанія; они даютъ формы, выработанныя ими самими подъ вліяніемъ ротонды храма Воскресенія; поэтому во многихъ случаяхъ они допускаютъ крупныя отклоненія и добавленія, а иногда, какъ напр. на ампулахъ Монцы и аворіяхъ, передаютъ даже, повидимому, не формы большой ротонды, а лишь кувуклія или пещеры, находящейся въ этомъ храмѣ. Евсевій въ своемъ описаніи храма Воскресенія говоритъ только о

---

[1]) Lenoir, Archit. mon. I, 102. Hübsch, Die altchristl. Kirchen. Karlsruhe, 1863 passim.

большой ротондѣ, «украшенной отличными колоннами и многочисленными украшеніями»; объ отдѣлкѣ же самой *пещеры* гроба Господня умалчиваетъ. Его дополняютъ въ этомъ случаѣ паломники. Неизвѣстный авторъ сокращеннаго описанія Іерусалима (ок. 350 г.), упомянувъ о круглой церкви Воскресенія, гдѣ находится гробница Христова, замѣчаетъ: «надъ самою гробницею покровъ изъ серебра и золота, и кругомъ стѣны обложены золотомъ» [1]). Антонинъ Пьяченцскій (ок. 570 г.) говоритъ, что «гробница сдѣлана изъ серебра на подобіе *пирамидальнаго столба* и подъ золотою сѣнью предъ гробницей поставленъ алтарь [2])». Игуменъ Даніилъ подробно описываетъ какъ храмъ Воскресенія, такъ и гробницу. «Есть же церковь Воскресенія Господня сяка: образомъ кругла создана, столповъ имать облыхъ 12, а 6 заднихъ (зданныхъ?)... двери же имать *шестеры*..... Верхъ же кровный не до конца сведенъ верхомъ каменнымъ, [3]), но тако спертъ досками, деревомъ тесанымъ плотничимъ образомъ и тако есть безъ верха и не покрыта ничѣмъ же. Подъ тѣмъ же верхомъ самѣмъ непокрытымъ есть Гробъ Господень симъ образомъ: яко печерка мала изсѣчена въ камени, дверцы имуще малы..... и вся мокачна (округла) 4 локоть въ длину и ширину... Виситъ же во гробѣ Господни 5 кандилъ великихъ съ масломъ древяннымъ..... И есть печерка та отдѣлана яко амвонъ краснымъ мраморомъ и столбци мряморяны около стоятъ числомъ 12. Вверху же надъ печерою тою созданъ яко теремецъ красный на столпцѣхъ и вершень ему спертъ кругло и серебряными чешуйками позлащенными покованъ, а на верху теремца стоитъ Христосъ, сдѣланъ

[1]) Палест. сборн. вып. 7, стр. 95.

[2]) Тамъ же стр. 97.

[3]) Вѣроятно, храмъ имѣлъ ὄπετρον.

сребрянъ... И то суть фрязи сдѣлали и поставили (подъ самымъ верхомъ тѣмъ непокрытымъ). Суть же дверцы *трои* у теремца того учинены хитро, яко рѣшето хрестцы и тѣми дверцами влазятъ люди ко Гробу Господню..,.. Есть святая церковь та Воскресенія Христова кругла образомъ вся мокачна (округла) въ длину и ширину саженъ 30 [1]). Судя по этому описанію, отдѣлка пещеры напоминала по крайней мѣрѣ въ XII в. формы ротонды храма Воскресенія, и, несомнѣнно, нѣкоторыя детали, здѣсь указанныя, встрѣчаются у Сильвіи и на ампулахъ Монцы. Въ концѣ XVI в. Трифонъ Корабейниковъ замѣчаетъ также, что верхъ у великой церкви «не спертъ [ὑπερον] надъ гробомъ Господнимъ. А надъ самымъ гробомъ стоитъ *придѣлецъ въ той же церкви каменъ, аки церковь же* на двое передѣлана [2])». На основаніи этихъ данныхъ, нужно полагать, что и кувуклій или пещера Гроба Господня обработана была также примѣнительно къ общимъ архитектурнымъ формамъ Анастасиса; это было миніатюрное подобіе его: округлое основаніе съ 12-ю колоннами, мѣрою 4 локтя въ діаметрѣ; вверху надъ этимъ сооруженіемъ теремокъ (трибунъ на колонкахъ) съ куполомъ, съ тремя рѣшетчатыми дверями. Въ видѣ ротонды планируютъ этотъ кувуклій Сеппъ, Вогюэ, Гюбшъ, Шикъ и др.—иногда лишь съ небольшимъ отрѣзкомъ со стороны входа. Близко подходятъ къ этому описанію изображенія на нѣкоторыхъ ампулахъ Монцы, гдѣ видимъ также колоннадное центрическое зданіе съ покрытіемъ округлымъ и вмѣстѣ шатровымъ, съ рѣшетчатыми переплетами и

[1]) По изд. Сахарова, стр. 29—31. По изд. Палест. общества 15—18 (Палест. сборн. вып. 3, 1883 г.). Приложенный здѣсь рисунокъ изъ Хлудовской рукописи XIV—XVI в. имѣетъ характеръ шаблонный.

[2]) Палест. сборн. вып. 7, стр. 8—9.

дверями, увѣнчанное крестомъ (рис. 13—15), даже съ лампадами, о которыхъ упоминаютъ Сильвія и игуменъ Даніилъ. Иныя изъ ампулъ совершенно утрачиваютъ

Рис. 13—15. Ампулы Монцы.

этотъ видъ кувуклія. Ротонда на Миланскомъ диптихѣ (рис. 16—17) напоминаетъ пирамидальный столпъ Анто-

Рис. 16. Часть Миланскаго диптиха.

нина Пьячецицскаго, но не имѣетъ другихъ примѣтъ, указанныхъ игуменомъ Даніиломъ. На Британскомъ аворіи (рис. 18) имѣется теремокъ, но онъ не на колон-

Рис. 17. Часть Миланскаго диптиха.

кахъ. Теремокъ Бамбергскаго аворія (рис. 19) на колонкахъ, но цѣльное сооруженіе—базируется не на кругломъ, но прямоугольномъ основаніи. Иныя изображенія подходятъ ближе къ большой ротондѣ, какъ и Новгородскіе Іерусалимы. Для большей наглядности, отмѣтимъ важнѣйшіе изъ относящихся сюда памятниковъ.

Въ скульптурѣ христіанскихъ саркофаговъ,—въ изображеніи явленія ангела св. женамъ, гробница І. Христа

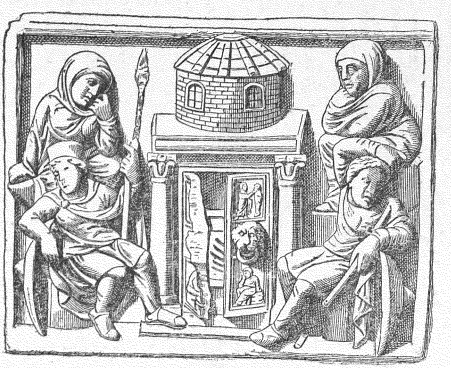


Рис. 18. Британскій аворій.

имѣетъ видъ ротонды съ куполомъ [1]); на дверяхъ Сабины въ Римѣ [2])—видъ зданія съ фронтономъ въ одной части и арочнымъ верхомъ въ другой. На ампулахъ Монцы формы представленія ротонды не одинаковы. Чаще ротонда эта является здѣсь въ видѣ округлой колоннады съ шатровымъ низкимъ покрытіемъ, увѣнчаннымъ четвероконечнымъ крестомъ; на переднемъ

[1]) Garrucci, Storia dell' arte crist., tav. 350, 4. 323, 5.
[2]) Ibid. 499, 6.

планѣ—входъ, снабженный рѣшеткою; иногда внутри видны лампады [1]); иногда въ видѣ прямоугольнаго

Рис. 19. Бамбергскій аворій.

зданія, напоминающаго базилику, съ фронтономъ и рѣшеткою, съ крестомъ на фронтонѣ [2]); причемъ въ одномъ случаѣ ясно видны 4 колонны. На Миланскомъ диптихѣ, какъ мы уже видѣли, ротонда представлена дважды, — въ одномъ случаѣ съ стражами Гроба Господня,— въ другомъ—съ явленіемъ ангела св. женамъ, и въ обоихъ случаяхъ она имѣетъ видъ округлаго зданія [3]). Особенность ротонды здѣсь заключается въ томъ, что она поставлена на другомъ округломъ зданіи бо́льшаго діаметра. На миланскомъ *окладѣ* гробница имѣетъ видъ простого навѣса на четырехъ колоннахъ, съ фронтономъ и съ подобранною спереди драпировкою [4]). На аворіи Національной библіотеки въ Парижѣ—ротонда съ куполомъ на узкомъ

---

[1]) Frisi, Memorie stor. tav. IV, 2—3. V, 1—5. Garrucci, Storia tav. 434; 1. 2. 4. 5. 6. Ср. на реликваріи Sancta Sanctorum X в. Piot, Monuments t. XV, XIV, 2.

[2]) Garrucci, 434, 2; 435, 1.

[3]) Garrucci, 450. Н. Покровскій, Ев. въ пам. иконогр. табл. *II*.

[4]) Ibid. 454. Н. Покровскій рис. стр. 22.

Рис. 20. Аворіїй Тривульци.

трибунѣ [1]). На аворіяхъ Британскомъ, Мюнхенскомъ и Тривульци (IV в.) [2]) (рис. 20), а также на аворіи Квэдлинбургскаго собора западнаго происхожденія (XIII в.) ротонда является, повидимому, на прямоугольномъ основаніи съ колонками, и украшена медальонами (imagines clypeatae [3]). Видѣть здѣсь два отдѣльныхъ зданія едва ли возможно [4]). На аворіи Нарбоннскомъ X в. [5]) высокая ротонда узкаго діаметра съ куполомъ, съ открытымъ входомъ; на отваленномъ камнѣ сидитъ ангелъ. На аворіи Мецскомъ [6]) прямоугольное зданіе съ двускатною кровлею. На серебряномъ реликваріи въ Sancta Sanctorum IX в. [7]) гробница—ротонда съ куполомъ. *Въ мозаикахъ* церкви св. Аполлинарія (S. Apollin. Nuovo) въ Равеннѣ (рис. 21) [8]) ротонда представляетъ купольный моноптеросъ, съ коринѳскими колоннами, на круглой базѣ, съ открытымъ входомъ, въ которомъ виденъ отваленный камень.—На пряжкѣ отъ пояса, приписываемаго Кесарію Арелатскому (VI в.)—роскошная ротонда на прямоугольномъ основаніи [9]). На бронзовомъ медальонѣ Іерусалимскаго происхожденія, найденномъ въ 1600 г. въ Римѣ, — ротонда съ куполомъ съ открытою дверью [10]). *Въ миніатюрахъ* Сирійскаго Евангелія Раввулы (586 г.) [11]): среди роскошнаго пальмоваго

---

[1]) Michel, Hist. de l'art, II p. 832, fig. 445.

[2]) Diehl, Manuel d'art byz. p. 73 fig. 26.

[3]) Garrucci, 446, 3. 459, 3. 449, 2.

[4]) Д. В. Айналовъ, Эллинистич. основы виз. иск. стр. 96.

[5]) Revue de l'art chr. 1890, p. 22, fig. 9.

[6]) Rohault de Fleury, L'Evangile II, pl. XCII, 1.

[7]) Lauer, Sancta Sanct pl. IX, p. 70.

[8]) Фотогр. Риччи; ср. Rohault de Fleury, L'Evangile pl. XCIII, 2. Garrucci, 251.

[9]) Garrucci, 479, 17.

[10]) Ibid, 480, 14.

[11]) Н. Покровскій, Ев. въ пам. иконогр. стр. 395, рис. 185.

сада Іосифа Аримаѳейскаго стоитъ ротонда (?) съ античными колоннами, съ вычурнымъ куполомъ въ видѣ колокола; изъ открытыхъ дверей вырываются лучи и поражаютъ стражей. Въ позднѣйшихъ греческихъ лицевыхъ Евангеліяхъ уже довольно рѣдко встрѣчается изо-

Рис. 21. Мозаика ц. св. Аполлинарія въ Равеннѣ.

браженіе гробницы І. Х. въ видѣ особаго зданія (Ев. Импер. публ. библ. въ СПБ. № 21 л. 7 об.; № 105 л. 67). Въ греческой псалтири Лобкова (пс. XXX, 14. VII, 8. CI, 14) гробница І. Х. имѣетъ видъ будки съ шатровымъ (!) покрытіемъ, а въ ѳеонопантократорской псалтири—видъ византійскаго киворія. Въ среднев'ѣковыхъ миніатю-

рахъ Запада гробница имѣетъ видъ иногда купольнаго зданія (Ев. Бернарда), или фасада прямоугольнаго зданія. Въ греческихъ лицевыхъ Евангеліяхъ съ XI в., вмѣсто отдѣльнаго зданія ротонды, выступаетъ пещера, согласно прямому смыслу Евангельскаго текста. Очевидно, древнія иконографическія преданія, съ развитіемъ иконографіи, стали измѣняться: идея воскресенія Христова обычно стала выражаться въ формахъ сошествія І. Христа во адъ.

Цѣлый рядъ памятниковъ изобразительнаго искусства показываетъ, что общія архитектурныя формы храма Воскресенія въ Іерусалимѣ и кувуклія были общеизвѣстнымъ явленіемъ въ христіанскомъ мірѣ: знали ихъ въ Сиріи и Палестинѣ, откуда шли, вѣроятно, ампулы Монцы, знали и въ Константинополѣ, и въ Александріи, откуда шли аворіи, и на Аѳонѣ, откуда шли лицевыя рукописи, и въ Италіи. Возможно предположить, что существовали и миніатюрныя модели его изъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Однако наблюденіе этихъ памятниковъ показываетъ, что ихъ нельзя разсматривать, какъ точныя копіи храма Воскресенія. Разнообразіе ихъ весьма значительно, и его можно было бы еще усилить ссылками на памятники нумизматики и сигиллографіи [1]). Обычно здѣсь проходитъ основная форма ротонды, но иногда ротонда стоитъ въ связи съ четвероугольнымъ зданіемъ; иногда видимъ здѣсь различіе діаметровъ ротонды внизу и вверху ея и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямоугольное зданіе безъ ротонды. Вотъ почему до сихъ поръ не удалось еще разрѣшить важный вопросъ о томъ: какіе изъ приведенныхъ выше памятниковъ могутъ быть разсматриваемы,

[1]) Ев. въ пам. иконографіи, стр. 396.

какъ подражанія храму Воскресенія. Гарруччи считалъ таковыми ампулы Монцы, но мотивировалъ это единственно тѣмъ соображеніемъ, что послѣднія идутъ изъ Іерусалима, гдѣ находится ихъ прототипъ. Мессмеръ и Бокъ предпочитали Бамбергскій аворій, съ чѣмъ, однако, не согласенъ де Росси [1]). По нашему мнѣнію, точной копіи храма Воскресенія нѣтъ ни на одномъ изъ этихъ памятниковъ, хотя всѣ формы храма на Бамбергскомъ аворіи, по вѣрному замѣчанію Мессмера, соотвѣтствуютъ эпохѣ Константина Великаго [2]); значительная часть приведенныхъ памятниковъ относится ко времени послѣ персидскаго разгрома (614 г.). И время, и мѣсто, и личное настроеніе, и неодинаковая освѣдомленность художниковъ сдѣлали здѣсь свое дѣло. Какъ ротонда, такъ и кувуклій, и сосѣднія постройки подвергались разрушеніямъ и измѣняли свой видъ. Художники, по тѣмъ или другимъ причинамъ, вносили сюда такія детали, которыхъ въ дѣйствительности никогда не было. Въ ихъ сознаніи нерѣдко выступали то спеціальныя особенности большой ротонды, то кувуклія, то, наконецъ, позднѣйшаго храма. И разобраться во всѣхъ деталяхъ этого вопроса, особенно въ вопросѣ о томъ, что̀ именно держалъ въ мысли художникъ— большую ли ротонду, или маленькій кувуклій, или то и другое вмѣстѣ,—какъ явленія сродныя по духу и характеру формъ, едва ли возможно. Но для нашихъ цѣлей рѣшеніе этихъ вопросовъ не представляется необходимымъ. Достаточно и того, что въ сознаніи художниковъ такъ или иначе отражалась главнѣйшая часть храма — ротонда, уцѣлѣвшая до сихъ поръ, и

[1]) Ев. въ нам. иконогр., стр. 396—397.

[2]) Messmer, Das älteste Darstell. d. heil. Grabes-Capelle. Mittheil. d. k. k. Central-Commission, VIII Jahrg., April 1862, Wien.

она представлялась въ видѣ округлаго зданія. Ротонда эта, какъ по ея назначенію, такъ и по архитектурному строенію и убранству, была главною частью всего сооруженія, на которую обращено было вниманіе строителей. Въ этомъ смыслѣ отзывается о ней и Евсевій. И нельзя не согласиться съ мнѣніемъ проф. Д. В. Айналова, что «круглое зданіе Гроба Господня *безъ нижняго базиса* является первоначальной стадіею въ развитіи и осложненіи ротонды Гроба Господня на христіанскихъ памятникахъ» [1]). Эта характерная черта остается въ сознаніи художниковъ и передается въ скульптурѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда здѣсь выступаетъ на первый планъ прямоугольное зданіе, какъ на аворіяхъ Бамбергскомъ и Тривульци, а ротонда представляется въ видѣ трибуна и купола этого зданія. Художники, твердо помня, что здѣсь главная часть—ротонда, помѣщаютъ стражей спящихъ именно у ея подножія, а не внизу у прямоугольнаго зданія; явленіе же ангела св. женамъ—внизу *у дверей* зданія, согласно со словами Евсевія.

Но что такое представляетъ собою прямоугольное зданіе въ связи съ ротондою? По этому предмету возможны лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Главное затрудненіе здѣсь заключается въ томъ, какой именно храмъ Воскресенія имѣли въ виду художники—Константиновъ ли, или другой, устроенный послѣ персидскаго разгрома? Если второй, то прямоугольное зданіе и есть именно этотъ храмъ, построенный въ связи съ ротондою, которая выступаетъ вверху въ видѣ купола. Если же это постройка Константина Великаго, то здѣсь возлѣ входа въ ротонду не было другого храма; базилика отдѣлена была отъ ротонды

[1]) Д. В. Айналовъ, Эллинистич. основы виз. иск., стр. 97.

обширнымъ крытымъ портикомъ. А потому нужно видѣть здѣсь домыслъ художника, трудно объяснимый: къ ротондѣ въ то время примыкала стѣна портика, и если предположить, что именно она дала художнику поводъ представить прямоугольное зданіе, за которымъ видна ротонда, то возможно будетъ признать здѣсь нѣкоторую вѣроятность лишь по отношенію къ британскому аворію, на которомъ видны колонны (портика?) у входа. По отношенію къ другимъ памятникамъ—это будетъ художественный домыслъ или условная репродукція позднѣйшаго храма. Возможно наконецъ и то, что здѣсь оказала свое вліяніе и форма кувуклія, бывшая, въ разныя времена, то формою округлою, то четвероугольною. Вѣроятно, подъ вліяніемъ того же кувуклія явилась ротонда на Миланскомъ диптихѣ, гдѣ нижняя расширенная часть означаетъ подземное сооруженіе, а верхняя—его продолженіе внутри ротонды храма Воскресенія. Главнѣйшею и древнѣйшею частью храма Воскресенія остается все-таки ротонда. Репродукцію ея мы видимъ и въ основныхъ архитектурныхъ формахъ Новгородскихъ Іерусалимовъ. Тамъ и здѣсь округлый планъ и округлыя стѣнки съ колонками, тамъ и здѣсь—куполы низкіе, діаметра равнаго съ діаметромъ корпуса храма, какъ въ древнѣйшихъ храмахъ—ротондахъ; тамъ и здѣсь двери. Сильвія упоминаетъ о дверяхъ ротонды глухо: aperiuntur omnia hostia (вм. ostia), aperiuntur hostia omnia [1]); видно, что въ ротондѣ было нѣсколько дверей; но Беда (Venerabilis) опредѣленно указываетъ здѣсь двѣ четверицы дверей т. е. 8 и 12 колоннъ [2]). Игуменъ Даніилъ свидѣтельствуетъ, что въ

[1]) Peregr. ad loca s., p. 39. 41. 43.

[2]) Ecclesia anastasis... rotunda ecclesia duodecim columnis sustentatur. Haec bis

Іерусалимской ротондѣ было 6 дверей; то же и въ Новгородскихъ Іерусалимахъ 6 дверей *двустворныхъ* съ изображеніями 12 апостоловъ. Возможно, что число колоннъ въ ротондѣ храма Воскресенія—12, сокращенное въ Новгор. Іерусалимахъ (вм. 12 только шесть), оставило свой слѣдъ въ 12 половинкахъ шести двустворчатыхъ дверей — съ изображеніями апостоловъ. Въ трибунѣ Ахенскаго Сіона 12 колоннъ. Были ли какія-либо изображенія на дверяхъ храма Воскресенія, неизвѣстно; но достойно вниманія то, что на дверяхъ британскаго аворія и Тривульци находятся изображенія воскрешенія Лазаря и др. На Бамбергскомъ аворіи показаны и входы ротонды и надъ ними imagines clypeatae—бюстовыя изображенія въ медальонахъ. Imagines clypeatae находятся также и на куполѣ Новгородскаго большого Іерусалима,—это большой деисисъ: І. Христосъ, Богоматерь, Іоаннъ Предтеча, арх. Михаилъ и Гавріилъ и св. Василій. На блюдѣ Іерусалима противъ центра купола находится крестъ въ медальонѣ: онъ указываетъ мѣсто пещеры гроба Господня, согласно съ указаніями паломниковъ и съ идеальными реставраціями Константиновыхъ сооруженій въ Іерусалимѣ. Всѣ эти признаки сходства въ формахъ разсмотрѣнныхъ памятниковъ показываютъ, что они находятся въ близкомъ художественномъ и историческомъ родствѣ между собою и что Новгородскіе Іерусалимы или Сіоны въ частности представляютъ собою модель ротонды храма Воскресенія въ Іерусалимѣ. Всѣ основныя формы ихъ стоятъ въ полномъ согласіи съ изображеніями ротонды и кувуклія на многочисленныхъ памятникахъ христіанства, и въ нихъ находятъ

---

quaternas portas per tres e regione parietes habet e quibus quatuor ad vulturnum et quatuor ad eurum spectant. Палест. сборн. 76.

свое художественно-археологическое изъясненіе. Въ сознаніи художника, изготовлявшаго Новгородскіе Іерусалимы, носился образъ того же храма Воскресенія Христова. Іерусалимъ или Сіонъ Ахенскій, уклоняясь отъ новгородскаго типа, стоитъ въ то же время весьма близко къ аворіямъ британскому, Тривульци и особенно къ Бамбергскому. Но что въ сознаніи его художника былъ именно храмъ Воскресенія (Ἀναστάσις) въ Іерусалимѣ, а не Сіонскій храмъ, это доказывается находящимися на немъ надписями, изъ которыхъ одна говоритъ прямо о воскресеніи Христовомъ (Ἀνάστηθι Κύριε...), а другая удостовѣряетъ, что тотъ храмъ, эмблемою котораго является Ахенскій ковчегъ, Господь изволилъ избрать своимъ жилищемъ. Двухъ мнѣній по этому предмету не можетъ быть. Изъ Іерусалимовъ или Сіоновъ Московскихъ одинъ приближается къ округлой формѣ Новгородскихъ, другой имѣетъ видъ прямоугольнаго храма. Но оба они относятся уже къ концу XV в., когда древнія преданія объ Іерусалимахъ были совершенно забыты и осталось въ памяти народной лишь «великолѣпіе» Сіоновъ, какъ украшеній въ церковномъ церемоніалѣ. И несомнѣнно, что художникъ, изготовлявшій ихъ, совсѣмъ не помышлялъ о родствѣ ихъ съ Іерусалимскою ротондою со стороны архитектурныхъ мотивовъ, и создалъ двѣ модели храмовъ — одну въ стилѣ романскомъ, а другую въ стилѣ Московской архитектуры того времени. Идеальные памятники утратили свой первоначальный смыслъ и свою художественную форму, подчинились современному архитектурному шаблону и стали декоративными предметами. Предположеніе, — что Московскій малый Сіонъ копируетъ прямоугольный Сіонскій храмъ, можетъ находить нѣкоторую опору въ наименованіи его «Сіонъ»; но на-

именованіе это не древнее, и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что въ данномъ случаѣ художникъ руководился именно этимъ мотивомъ; тѣмъ болѣе, что, наряду съ наименованіемъ его Сіономъ, чаще всего онъ называется Іерусалимомъ. Въ виду этого мы склонны думать, что какъ Московскій малый Сіонъ, такъ и Ахенскій передаютъ вмѣстѣ съ чистою ротондою и другую часть (прямоугольную), выраженную на нѣкоторыхъ аворіяхъ.

IV.

Новгородскіе Іерусалимы или Сіоны въ своихъ основныхъ формахъ передаютъ архитектурный типъ ротонды храма Воскресенія въ Іерусалимѣ, — весьма распространенный въ средневѣковомъ изобразительномъ искусствѣ. Съ какою же цѣлію они изготовлены были? Теоретическія соображенія наводятъ на мысль объ ихъ евхаристическомъ назначеніи, — по крайней мѣрѣ въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи: если Іерусалимъ въ своихъ формахъ повторяетъ основныя формы ротонды храма Воскресенія, гдѣ былъ погребенъ Іисусъ Христосъ, то и Іерусалимы, быть можетъ, предназначались для евхаристическаго «тѣла Христова». Съ этой стороны догадка А. П. Голубцова представляется теоретически правдоподобною. Но, переводя рѣшеніе вопроса на почву историческую, мы лишены возможности указать для этого какія-либо основанія. Никакихъ извѣстій о древнѣйшихъ Іерусалимахъ и ихъ назначеніи въ памятникахъ письменности до XI в. нѣтъ. А съ этого времени мы имѣемъ свѣдѣнія объ Іерусалимахъ только русскія, и эти свѣдѣнія не подтверждаютъ мысли объ ихъ евхаристическомъ назначеніи. Такъ какъ Іеруса-

лимы у насъ встрѣчаются въ очень немногихъ храмахъ, то ихъ нельзя относить къ числу обычныхъ богослужебныхъ предметовъ, одинаково необходимыхъ для всѣхъ храмовъ. Въ Россіи они были въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ, въ Успенскомъ соборѣ во Владимірѣ и въ церкви Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ (придворная), въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ и, вѣроятно, въ соборѣ Кіево-Софійскомъ. Бо́льшая часть ихъ — княжескіе и царскіе подарки (во Владимірѣ и Москвѣ). Очевидно, это—предметы особаго порядка, рѣдкіе, составлявшіе своего рода привиллегію соборныхъ церквей, бывшихъ на особомъ попеченіи русскихъ князей и царей. Съ этою привиллегіею едва ли соединялись какія-либо каноническія или юридическія прерогативы; вѣрнѣе — это просто лишь внѣшніе знаки, указывающіе на первенство церкви въ данномъ княжествѣ или царствѣ. Въ Кіевѣ и Новгородѣ они появились, вѣроятно, въ X—XI в. вмѣстѣ съ первыми русскими храмами; во Владимірѣ только въ XII в., послѣ перенесенія сюда столицы изъ Кіева. Въ Москвѣ до конца XV в. не было Іерусалимовъ; но въ 1486 году Іоаннъ III сооружаетъ два превосходныхъ Іерусалима для Московскаго Успенскаго собора, какъ видимые знаки церковнаго возвышенія Москвы. Новгородъ къ тому времени уже утратилъ свою самостоятельность. Новгородскіе владыки теченіемъ историческихъ событій поставлены были въ зависимость отъ Москвы и вынуждены были получать свое посвященіе въ Москвѣ при гробѣ св. Петра митрополита; они были крайне стѣснены въ своихъ епископскихъ правахъ, подвергались лишеніямъ монастырей и наказывались лишеніемъ каѳедръ. Между тѣмъ Московская митрополія, опираясь на покровительство государственной

власти, сильно поднялась и, вмѣстѣ съ развитіемъ своей просвѣтительной дѣятельности, развивала свой внѣшній блескъ и церковное благолѣпіе. Іерусалимы и Сіоны, какъ наглядное выраженіе церковной помпы, оказались теперь нужными для Москвы, и они не замедлили здѣсь явиться. Примѣромъ для Москвы въ данномъ случаѣ послужилъ Новгородъ, какъ для Владиміра—Кіевъ. Ясно, что Сіоны были у насъ явленіемъ довольно рѣдкимъ,—княжескимъ или царскимъ даромъ въ соборную церковь. Дары эти во Владимірѣ и Москвѣ стоятъ въ связи съ сооруженіемъ храмовъ: во Владимірѣ и Боголюбовѣ Іерусалимы изготовлены Андреемъ Боголюбскимъ для вновь построенныхъ тѣмъ же княземъ храмовъ—Успенскаго собора и княжескаго храма въ Боголюбовѣ; въ Москвѣ Іоаннъ III подарилъ Іерусалимы въ новый Успенскій соборъ, только что сооруженный по приказу царя Аристотелемъ Фіоравенти. Нельзя не припомнить здѣсь древній обычай—въ мозаикахъ и фрескахъ вновь сооруженныхъ церквей изображать ктиторовъ этихъ церквей съ моделями построенныхъ ими церквей. Обычай этотъ былъ распространенъ какъ въ Византіи, такъ и въ Россіи, и на Кавказѣ, и въ западной Европѣ въ средніе вѣка. Ктиторы здѣсь подносятъ Господу Вседержителю или Богоматери модели построенныхъ ими храмовъ; русскіе князья и цари въ сооруженные ими храмы приносятъ модель храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ. Что живая связь съ Іерусалимскою церковью чрезъ посредство памятниковъ искусства поддерживалась повсюду въ средніе вѣка, доказательствомъ тому служатъ ампулы съ елеемъ «отъ св. мѣстъ и въ частности отъ крестнаго древа жизни»; значительное количество ихъ сохранилось въ Монцѣ. Онѣ шли изъ Іерусалима. Какъ

надписи ихъ [1]), такъ и изображенія ротонды и кувуклія св. Гроба, напоминали о св. мѣстахъ. Вѣроятно эти ампулы расходились по всему христіанскому міру, Возможно, что своею художественною и иконографическою стороною онѣ вліяли на аворіи, повторяющіе тѣ же темы. Такъ распространялось вліяніе сиро-палестинскаго искусства и поддерживалась связь съ Іерусалимскою церковью. Той же цѣли служили и Іерусалимы: они напоминали о живой связи Русской церкви «съ матерью церквей—Сіономъ святымъ, Божіимъ жилищемъ». Казалось бы, что въ данномъ случаѣ естественно ожидать встрѣтить здѣсь модель не храма Воскресенія, но—храма на мѣстѣ Сіонской горницы; но уже вскорѣ послѣ IV в. великолѣпный храмъ Константина Великаго съ ротондою Воскресенія затмилъ преданіе о бѣдной Сіонской церкви; слава о немъ быстро распространилась по всему христіанскому міру: ампулы и аворіи разносили повсюду его архитектурный образъ; съ нимъ неразрывно соединялось представленіе о новомъ и юномъ Іерусалимѣ, выразительной эмблемѣ матери церквей и Божіемъ жилищѣ, церкви—Сіонѣ; ей *первой* возвѣщено «оставленіе грѣховъ, дарованное Воскресеніемъ Христовымъ». Возможно предполагать, что подобныя эмблемы въ церкви восточной ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой древности. Если и для церквей, основанныхъ Апостолами—самовидцами Христа и ихъ ближайшими сотрудниками, не излишни были эмблемы, напоминающія о живой связи ихъ съ ecclesia matrix; то тѣмъ большее значеніе имѣли онѣ для церквей сравнительно позднѣйшихъ.

---

[1]) Надписи на ампулахъ: Εὐλογία κυρίου τῶν ἁγίων Χριστοῦ τόπων... Ἔλαιον ξύλου ζωῆς τῶν ἁγίων Ἐριστοῦ τόπων... ἀνέστη ὁ Κύριος.

Іерусалимы или Сіоны, какъ видимые знаки союза съ матерью церквей, ставились, вѣроятно, въ соборныхъ церквахъ, служившихъ центрами церковной жизни данной мѣстности; быть можетъ, ставились они на видномъ мѣстѣ, — на престолѣ, а на торжественныхъ выходахъ на литургіи и въ крестныхъ ходахъ выносились первоначально не только для пышности церковной процессіи, но и для нагляднаго указанія на живой союзъ съ матерію церквей, каковая наглядность имѣла важное значеніе для непосредственнаго чувства народа, особенно въ первый періодъ его церковной жизни и при наличности церковныхъ общинъ, порвавшихъ связь съ матерію церквей. Эмблемы этого рода на первыхъ порахъ, вѣроятно, шли прямо изъ Іерусалима, а потомъ и чрезъ Константинополь. Строителями ихъ могли быть какъ сами новыя церкви, такъ и ктиторы главныхъ церквей и даже видные попечители ихъ. Въ этомъ смыслѣ можно понимать запись на Ахенскомъ Іерусалимѣ съ именемъ табулярія Евстаѳія—строителя этого Іерусалима. Явленія этого рода вполнѣ допустимы съ точки зрѣнія церковно-практической.—Но, напоминая о союзѣ церквей,—Іерусалимы въ то же время напоминали о Голгоѳѣ и Голгоѳской жертвѣ. Новгородскій архіепископъ Антоній подтверждаетъ это ясно, когда говоритъ о плачѣ, рыданіи и воздыханіи о грѣхахъ: вся церемонія великаго входа на литургіи съ Іерусалимомъ свѣтозарнымъ, съ рипидами, украшенными изображеніями херувимовъ, являлась дѣйствительно нагляднымъ выраженіемъ церковной пѣсни: «Да молчитъ всякая плоть человѣча... Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ. Предходятъ же сему лицы ангельстіи со всякимъ началомъ и властію, — многоочитіи херувими и

шестокрылатіи серафими».. Вотъ почему слѣдуетъ думать, что свѣтозарный Іерусалимъ Софійскаго собора въ Константинополѣ, видѣнный Антоніемъ, представлялъ собою модель ротонды Іерусалимскаго храма Воскресенія и что ему въ Константинополѣ въ XIII в., а также и у насъ, все-еще усвоялось значеніе не только эмблемы—союза церковнаго, но и—конкретнаго напоминанія о храмѣ Воскресенія въ Іерусалимѣ —Однако смѣна поколѣній, воспитанныхъ подъ сѣнію церкви, мало по малу ослабляла значеніе этихъ эмблемъ, и Іерусалимы, наконецъ, перешли въ разрядъ пережитковъ, утратившихъ свой первоначальный смыслъ и пригодныхъ только для церемоніальной пышности Уже давно вошла въ церковное сознаніе и окрѣпла та истина, что каждая помѣстная православная церковь,— русская, славянская, грузинская и др., суть «новые Іерусалимы», и внѣшнія напоминанія объ этомъ, эмблемы союза, оказались излишними Въ 1486 году Іоаннъ III сооружаетъ два Іерусалима для Московскаго Успенскаго собора только для пышности и по подражанію Сіонамъ Новгородской Софіи Для него не было никакой нужды напоминать кому либо о связи русской церкви съ Іерусалимскою, но Сіоны нужны были для напоминанія о церковномъ возвышеніи Москвы. Въ Новгородскихъ и Московскихъ обрядникахъ или Чиновникахъ постоянно упоминаются Сіоны, какъ принадлежность богослужебныхъ церемоній въ праздники, однако нѣтъ здѣсь ни одного намека на ихъ древнее меморіальное значеніе· на великомъ входѣ литургіи они всегда выносятся, по прекрасному выраженію проф А П. Голубцова, лишь «лѣноты ради» Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ Чиновниковъ.

Въ праздникъ Рождества Богородицы 8 сентября, по Чиновнику Софійскаго собора, несутъ на переносѣ (на великомъ входѣ) *Сіонъ одинъ,* да плащаницу, образъ Іоанна архіепископа сѣнніе попы [1]); тоже въ день празднованія обрѣтенія мощей св. Іоанна архіепископа Новгородскаго [2]); обрѣтенія мощей св. Никиты еп. Новгородскаго [3]) и въ пятницу 2-й недѣли Петрова поста— празднованіе памяти св. Никиты епископа Новгородскаго [4]). Въ нѣкоторые большіе праздники выносились въ Софійскомъ соборѣ на великомъ входѣ два Сіона: въ праздникъ «Новолѣтія» въ службѣ ключари полагаютъ Сіоны и плащаницы и судари большіе [5]); въ праздникъ Рождества Христова «на большомъ переносѣ» Сіоны и плащаницы носятъ [6]), тоже 14 сентября въ праздникъ Воздвиженія креста Господня [7]); Происхожденія честныхъ древъ креста Господня 1 августа [8]), въ праздникъ Успенія Пресв. Богородицы 15 августа [9]), въ день совершенія пещнаго дѣйствія [10]), въ праздники— Рождества Христова [11]) и Богоявленія [12]), въ Вербное воскресенье [13]) и Пятьдесятницу [14]). По Чиновнику Московскаго Успенскаго собора также полагается вы-

---

[1]) А. П. Голубцовъ, Чиновникъ Новгор. Софійскаго собора. Москва 1899, стр. 21.

[2]) Тамъ же стр. 56.

[3]) Тамъ же стр. 113.

[4]) Тамъ же стр. 236 и 97: на литургіи несутъ рипиды да Сіонъ.

[5]) Тамъ же стр. 18.

[6]) Тамъ же стр. 81.

[7]) Тамъ же стр. 31.

[8]) Тамъ же стр. 136.

[9]) Тамъ же стр. 143.

[10]) Тамъ же стр. 70.

[11]) Тамъ же стр. 81.

[12]) Тамъ же стр. 92.

[13]) Тамъ же стр. 186.

[14]) Тамъ же стр. 226.

посъ на великомъ входѣ литургіи то одного Сіона, то двухъ: въ праздникъ Богоявленія 6 января выносили одинъ Сіонъ меньшій; а въ праздники Успенія Пресв. Богородицы 15 августа, въ Вербное воскресенье, въ Пасху, въ праздникъ перенесенія мощей св. Петра митрополита 21 августа — два Сіона [1]). Любопытно здѣсь то, что иногда большому Сіону Успенскаго собора усвояется названіе «Ерусалимъ», а малому «Сіонъ» [2]). Въ обычномъ порядкѣ, въ большіе праздники выносили два Сіона, въ меньшіе одинъ; хотя бывали, въ зависимости отъ причинъ случайныхъ, напр. незначительнаго состава служащихъ, — и отступленія: сюда относится указанный случай выноса одного меньшаго Сіона въ праздникъ Богоявленія.

Приведенныя показанія Чиновниковъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Іерусалимы или Сіоны въ XVII в., какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ, уже утратили свое меморіальное значеніе. Даже старое первоначальное наименованіе ихъ—Іерусалимъ—стало забываться и постепенно замѣнялось другимъ наименованіемъ—Сіонъ. Но это послѣднее наименованіе не имѣло терминологическаго значенія: оно означало не только Іерусалимъ, но и Сіонскую горницу, даже могло примѣняться иногда къ ладоницамъ, въ видѣ церкви, напр. къ ладоницѣ Софійской ризницы инока Ѳеогноста и др. Обрядники или Чиновники вмѣстѣ съ тѣмъ ясно показываютъ, что Іерусалимы или Сіоны въ XVII в., ни въ Новгородѣ, ни въ Москвѣ, не были ни дарохранительницами, ни реликваріями: хранились они въ библіотекахъ старыхъ книгъ и въ старыхъ ризницахъ вмѣстѣ съ предметами, вышедшими

---

[1]) Тамъ же стр. 37. 73. 107. 128. 206. 208—209. 211.

[2]) Тамъ же, 208—209.

изъ церковнаго употребленія. Отсюда они выносились для «переноса» на литургіи въ дни торжественныхъ богослуженій. Старый, установленный еще въ Византіи, обычай совершенія литургійнаго великаго входа съ наибольшею помпою нашелъ широкое примѣненіе и въ Россіи, особенно въ столичныхъ соборахъ: такъ какъ количество священнослужащихъ было здѣсь весьма значительно, то вмѣстѣ съ евхаристическими дарами и ихъ необходимыми принадлежностями выносились «лѣпоты ради»— иконы, Евангелія, лжица, копье, губа, кратиры (въ день Богоявленія), предносный Патріаршій крестъ (при Патріаршемъ служеніи), омофоръ, шапка епископская, воздухи, плащаницы, покровы съ мощей и т. п. Здѣсь нашли себѣ почетное мѣсто и Іерусалимы или Сіоны. Прекращеніе патріаршества и постепенное ослабленіе пышной богослужебной церемоніальности привели къ совершенному изъятію ихъ изъ богослужебной практики.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . 1—2

I.

1—2) Софійскіе Іерусалимы или Сіоны: описаніе ихъ; вопросъ о древности ихъ . . . . . 3—8

3) Іерусалимъ или Сіонъ собора въ Ахенѣ: происхожденіе его и назначеніе . . . . . 8—15

4—5) Московскіе Іерусалимы или Сіоны—большой и малый; архитектурный стиль ихъ . . . . . 15—22

Свѣдѣнія о другихъ Іерусалимахъ — Сіонахъ, не сохранившихся до насъ. . . . . 22—27

II.

Вопросъ о происхожденіи и назначеніи Іерусалимовъ въ ученой литературѣ: Архіеп. Амвросій Орнатскій; Древности Росс. Государства; Бокъ; академикъ Е. Е. Голубинскій; проф. А. П. Голубцовъ. Основная архитектурная форма Іерусалимовъ — ротонда. Историческій и переносный смыслъ наименованій—«Іерусалимъ, Сіонъ». Кавказскіе Сіоны. Церковный историкъ Евсевій. . . . 27—40

III.

«Іерусалимъ Новый» и Сіонъ—ротонда храма Воскресенія въ Іерусалимѣ. Въ какомъ видѣ представлялся этотъ памятникъ въ сознаніи древнихъ паломниковъ и христіанскихъ художниковъ: скульптура саркофаговъ, ампулы Монцы, аворіи, мозаики и миніатюры. Сравненіе архитектурныхъ формъ Іерусалимовъ Новгородскихъ—Софійскихъ съ ротондою храма Воскресенія въ Іерусалимѣ. Кувуклій гроба Господня. Попытки объясненія формъ Сіоновъ—Ахенскаго и Московскихъ. . . . . 40—61

IV.

Вѣроятный—первоначальный смыслъ и назначеніе русскихъ Іерусалимовъ: эмблема старѣйшинства и союза съ Іерусалимскою ecclesia matrix. Позднѣйшая эволюція ихъ и переходъ въ число декоративныхъ предметовъ при торжественномъ богослуженіи соборовъ—Софійскаго въ Новгородѣ и Успенскаго въ Москвѣ. Церемоніальные уставы этихъ соборовъ. Заключеніе. . . . . 61—70